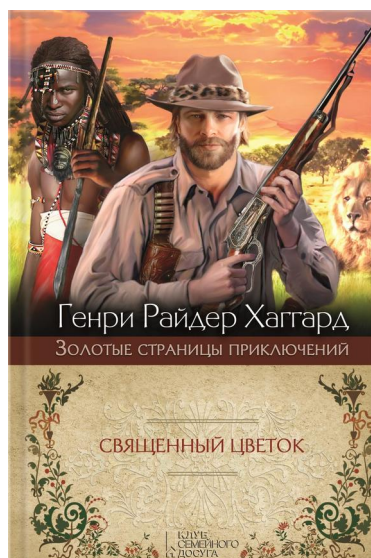

Золотые страницы приключений

Генри Хаггард

**Священный Цветок.
Суд фараонов**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

Хаггард Г. Р.

Священный Цветок. Суд фараонов / Г. Р. Хаггард —
Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», — (Золотые
страницы приключений)

Вместе со своим напарником знаменитый искатель приключений Аллан Квотермейн отправляется в сердце Африки на поиски уникальной орхидеи. Но охота за орхидеей полна опасностей – в туземном племени она считается Священным Цветком. Чтобы добыть его, придется столкнуться с еще одним местным божеством – свирепым диким зверем, победить которого, по легенде, может только белый человек. («Священный Цветок») Однажды в музее Джон Смит увидел статую древнеегипетской царицы Ма-Ми. Плененный ее образом, он поклялся разыскать гробницу той, кого полюбил... («Суд фараонов»)

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

© Хаггард Г. Р.
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга»

Содержание

Священный Цветок	6
Предисловие	6
I. Брат Джон	10
II. Аукционный зал	19
III. Сэр Александр и Стивен	28
IV. Зулус Мавово и готтентот Ханс	35
V. Работорговец Хассан	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Генри Райдер Хаггард Священный Цветок. Суд фараонов (сборник)

© Парфенова А., составление, предисловие, комментарии, 2014

© DepositPhotos.com / Andrey Kuzmin, обложка, 2014

© Shutterstock.com / Triff, обложка, 2014

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2014

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Священный Цветок

Предисловие

Генри Райдер Хаггард родился 22 июня 1856 года в родовом поместье Брэднем в графстве Норфолк. Он был восьмым из десяти детей успешного адвоката Уильяма Мейбома Райдера Хаггарда и писательницы-любительницы Эллы Довтон. В далеком прошлом предки Хаггарда по отцовской линии происходили из Голландии. В отличие от своих старших братьев, Генри не считался в семье слишком умным ребенком, ему было уготовано не очень престижное и не дорогое образование. Он был отправлен учиться на священника в Оксфорд, но у него не получилось, поэтому его перевели в государственную гимназию в Ипсвиче. Но и там он не проявил себя так, как хотелось бы его отцу, и решено было отправить Генри в армию. Но и в армию Генри попасть не удалось. В результате отцу все-таки пришлось потратиться на частных преподавателей, которые подготовили Генри для поступления на службу в Министерство колоний. Однако знания все-таки оказались недостаточными, поэтому Генри удалось получить лишь место неоплачиваемого помощника секретаря в офисе сэра Генри Булвера, вице-губернатора колонии Натал в Южной Африке. Южная Африка в корне изменила юношу, из «нерадивого балбеса», как называл его отец, он превратился в ценного толкового управляющего. Генри Хаггард впервые удостоился похвалы главы семьи, когда, находясь на службе у сэра Теофила Шепстона, специального уполномоченного премьер-министра по Трансваалю в 1877 году в Претории, вместо своего потерявшего голос босса зачитал официальное заявление о британской аннексии Трансвааля, то есть фактически об объявлении англо-бурской войны.

В это время, получив наконец оплачиваемую работу, он решил жениться на подруге детства Лилли Джексон. Однако отец запретил ему вступать в брак, сказав, что сначала следует сделать карьеру. Не дождавшись Генри, в 1879 году Лилли вышла замуж за банкира Фрэнка Арчера. Приехав в 1880 году на побывку в Англию, Генри, судя по всему скоропалительно, женился на подруге своей сестры Луизе Маргитсон и вместе с молодой женой вернулся по месту службы в Южную Африку.

У них было четверо детей: старший, Джек, умер от кори в возрасте десяти лет, дочери же Анжела, Дороти и Лиллиас, напротив, дожили до преклонных лет. Лиллиас Райдер Хаггард впоследствии тоже оказалась талантливым писателем. Она известна и как биограф своего отца.

После семилетней службы в Африке, в 1882 году, Райдер Хаггард с семьей вернулся в Англию, где поселился на родине жены в Норфолке. Чтобы содержать семью, он сумел получить степень юриста, но в это же время открыл в себе писательский талант, и литературное творчество оказалось гораздо более прибыльным, чем юриспруденция. Африканский опыт и воспоминания, помноженные на писательский талант, сытно кормили семью долгие годы. Уже к тридцати четырем годам, к 1890 году, Райдер Хаггард написал пять произведений про Аллана Квотермейна, одно из которых вы держите в руках, и семь романов с другими героями, стал признанным кумиром читательской публики, у дверей его толпились издатели. Хаггард – единственный викторианский писатель, произведения которого публиковались по-русски в том же году, что и по-английски. Уже в 1915 году издательство П. П. Сойкина выпустило двадцатитомное собрание сочинений писателя.

В это время случилось несчастье с его возлюбленной Лилли Арчер. Ее муж украл деньги вкладчиков и сбежал, она с малолетними сыновьями оказалась на улице. Хаггард снял для них дом и оплатил образование детей. Но, будучи доброй викторианской женой,

Лилли через какое-то время уехала вслед за мужем, который оказался в Африке. Там он заразил ее сифилисом и вскоре умер. Лилли вернулась в Англию в 1907 году. Хаггард поддерживал ее до самой смерти, последовавшей в 1909 году.

Во время своего пребывания в Южной Африке Хаггард стал крупным специалистом по сельскому хозяйству в жарких и засушливых странах. Он вошел во многие правительственные комиссии Британской империи, которые занимались благосостоянием колоний с точки зрения землепользования, и посетил все тропические колонии ее величества. Также он стал одним из создателей Билля о развитии 1909 года, вошедшего в историю имперского законодательства как один из наиболее прогрессивных и успешных законов для колоний. В 1895 году Хаггард баллотировался в парламент от консервативной партии в округе Норфолк, но неудачно. За свою политическую деятельность он был возведен в рыцарское достоинство в 1912 году, а в 1919-м был награжден орденом Британской Империи. Округ Райдер в канадской провинции Британская Колумбия назван в его честь.

Генри Райдер Хаггард умер 14 мая 1925 года в возрасте 68 лет, оставив после себя 68 романов и повестей. Он был похоронен на кладбище прихода Дичингэм в Норфолке.

К писателю Хаггарду относятся по-разному. Некоторые иронизируют по поводу его «плодовитости», другие критикуют стиль, но сегодня можно утверждать, что писатель и человек Генри Райдер Хаггард – натура цельная, благородная и, несомненно, фигура знаковая.

Мы уже говорили в предисловии к книге Артура Конан Дойла о том, что британская литература рубежа XIX и XX веков создала парадигму всей массовой культуры XX века, и наследие Хаггарда является дополнительным тому подтверждением. Хаггард, так же как Артур Конан Дойл и Брэм Стокер, стал родоначальником сразу нескольких больших стилей массовой культуры.

Расцвет писательского дарования Хаггарда пришелся на 80—90-е годы, произведения именно этого периода остались в его творчестве непревзойденными. Британская литература в это время представляла собой сложное сплетение разнообразных направлений и жанров. Наряду с реализмом, который постепенно переставал быть главным литературным течением, значительную роль начинает играть неоромантизм, включивший в себя новые, дотоле неизвестные публике нереалистические течения – эстетизм, символизм и «литературу действия». И Хаггард стал активным участником этого «романтического возрождения», как писал британский культуролог Эндрю Лэнг. Согласно своей национальной, классовой и семейной принадлежности, вместе с собратьями по перу Хаггард мифологизировал империю, к которой принадлежал и которой служил, проповедовал этические принципы верного сына и представителя Британии на дальних ее окраинах. При этом, будучи последователем Роберта Льюиса Стивенсона и Даниэля Дефо, Хаггард привнес новые черты в романы о приключениях. Критики множество раз ловили его на том, что, по их мнению, являлось несомненной «кляквой» и выдумкой. Однако на самом деле Хаггард никогда не числил себя писателем этнографического свойства. Его «затерянные миры» (именно он впервые, еще до Артура Конан Дойла, ввел в литературный обиход такое понятие) нельзя назвать научным описанием. Реалистично рассказывая о жизни и нравах хорошо знакомых ему африканских племен, Хаггард постепенно давал волю своей фантазии, создавал воображаемые миры. Он открыл миру новый жанр – фэнтези. Разве сегодня кому-либо придет в голову критиковать Джона Руэла Толкина за то, что хоббитов не существует на свете?

Еще К. И. Чуковский отметил стремление Хаггарда ко всему самому фантастическому и неожиданному: «Его тянет в загадочные, сказочные страны, каких еще никто никогда не видел, – к гробницам легендарных героев, в огненные пещеры, где скрыты заповедные клады, к шаманам, кудесникам, магам, к каким-то изумительным заколдованным женщинам, которые при помощи чар живут тысячи и тысячи лет и, умирая, воскресают опять. Он

создал для себя особый мир, и в этом мире он полный хозяин. Но за пределами этого волшебного царства он не видит ничего». Здесь мы позволим себе не согласиться с великим детским писателем и ответить ему словами другого исследователя творчества Генри Райдера Хаггарда, Д. Урнова, который отметил независимость взглядов писателя, его стремление правдиво показать сложные расовые и национальные проблемы своего времени. Большим достоинством книг Хаггарда он считал отражение настроений эпохи, соединившей «приключения» и «службу». «Далекие странствия и миры, еще окутанные героическим ореолом, были вместе с тем буржуазно прозаизированы. Соединение невероятного с возможным привлекало к романам Хаггарда», – писал Урнов. Он отметил также свойственную Хаггарду симпатию к чернокожим героям, умение создать выразительный и запоминающийся образ зулусского воина или египетской жрицы.

Исследователь А. Федоров указывает на появление в английской викторианской литературе этого времени сильного интереса к мифологии и мифологическим мотивам, и в творчестве Г. Райдера Хаггарда он находит «трансформацию мифологического материала», которая порождает индивидуальное мифотворчество. По мнению А. Федорова, хаггардовские герои, попав из реального мира в мир оживших сказаний, внезапно сами получают черты и качества мифологических персонажей. А это уже характерно для массовой литературы XX века.

В своей статье «Книги в моей жизни» Генри Миллер большое место уделяет книгам Хаггарда, он пишет, что был заинтригован внутренней «двойственностью» Хаггарда, в личности и творчестве которого американский писатель видел сочетание традиционных взглядов на человека и страсти к изучению его скрытой природы. Он высоко ценил в Хаггарде присущее ему воображение и ставил рядом с ним таких же мечтателей – Блейка, Якоба Бёме, Генриха Шлимана, сэра Артура Эванса, Джеймса Дж. Фрэнзера – и всех их называл «храбрыми пионерами», занятыми «обнарождением правды о существовании иного мира».

В 1887 году Райдер Хаггард опубликовал статью «О беллетристике», которая наделала много шума в среде высоколобых критиков. В ней автор защищает среднего читателя, того, кто «просто любит читать» и кому еще только предстоит познакомиться с произведениями Мильтона и Шекспира. С его точки зрения, «массовая» литература не значит «плохая», а писать, чтобы привлечь внимание читающей публики, – означает дать читателю высокие цели, учить добру, пробуждая сердца.

Чтобы привлечь читателя, автор должен освоить законы приключенческого жанра, ибо именно этот тип повествования, как считал Хаггард, сможет пережить натуралистическую прозу, которая обращается к низменным чувствам человека. Приключенческий же роман может рассказать о чудесном мире, который далек от трезвой и расчетливой современности. «Средний» человек в произведении Хаггарда, пытаясь понять и познать реальные стороны мира, открывает не столько суть исторических событий, сколько истины, относящиеся к области этики.

Обычный читатель очень любит неоромантических героев, отождествляет себя с ними. А главное свойство такого героя состоит в том, что он не противостоит обществу, а является его частью, стоически защищает идеальную империю, строить которую ему «мешают» либералы, заевшиеся чиновники, партийные лидеры, погрязшие в теневых сделках и живущие в метрополии, вдали от проблем колоний. Героический потенциал в сознании неоромантиков переместился в далекие экзотические страны, условия в которых создавали двойное бремя – изгнание и непосильный труд на благо империи. Все это предопределило интерес к образу мужественного англичанина, благородного не по рождению, но по образу мысли и действия, выразителя силы и доблести. Именно такой человек нашел свое место в прозе неоромантиков.

Другим героем неоромантической прозы стал представитель коренного населения колоний. Такой герой с симпатией создан Хаггардом. Абориген предстал в его прозе в неповторимом своеобразии своей национальной культуры и традиций и в то же время как представитель человеческого рода со всеми проблемами, которые сыны человеческие решали из поколения в поколение. Ими владеют те же страсти, они участвуют в политических интригах, воюют за свою землю, совершают предательства и героические подвиги, любят, испытывают страх.

Известная российская исследовательница творчества Генри Райдера Хаггарда Наталья Дмитриевна Садомская в своей диссертации пишет: «Свои произведения Г. Р. Хаггард создавал в контексте общего развития английского романа на рубеже XIX–XX веков, и его метод формировался под воздействием разных тенденций, имевших место в английской прозе рубежной эпохи, это придавало излюбленной писателем жанровой форме новые черты. В основе всех приключенческих романов Хаггарда – история необыкновенных приключений его героев, на долю которых выпадает рискованный переход из цивилизованного пространства в дикое, что сопровождается испытаниями холодом или неслыханной жарой, связанными с риском для жизни пересечениями горных кряжей или подземных рек, протекающих под каменными сводами и полных опасностей».

Важное место в романах Хаггарда занимают такие заимствованные из мифов мотивы, как мотив спасения – красавицы или попавших в беду товарищей, – поиск сакрального артефакта, священного Грааля, убийство чудовища, конкуренция рыцарей и т. п.

Через многие романы Хаггарда прошел один из любимых его персонажей – Аллан Квотермейн. Такой же простой человек, как и читатели Хаггарда, разве что с более интересной судьбой и навыками жизни в Африке. В этом персонаже мы видим черты профессионального экстремала – человека, сделавшего своим ремеслом походы в неизведанные опасные края. Этот мотив впоследствии трансформировался в творчестве Яна Флеминга, создавшего образ Джеймса Бонда, настоящего профессионала-экстремала, чья жизнь – сплошные приключения, гораздо более жесткие, чем у Хаггарда.

Прямыми же последователями Хаггарда в литературе стали Эдгар Райс Берроуз с его книгами о Тарзане и Говард Филлипс Лавкрафт с мифами Ктулху.

Хаггард, как никто другой из викторианских писателей, привлек внимание советских литературоведов, несмотря на его резко отрицательное отношение к большевизму. Наверное, потому, что нашему читателю, так же как и простым англичанам, близок образ его главного героя – отважного человека, умеющего в минуту испытаний проявить себя так, как проявляли себя только герои мифов.

I. Брат Джон

Я не думаю, что кто-нибудь, кому знакомо имя Аллана Квотермейна, мог бы связать его в своем представлении с какими-либо цветами, особенно с орхидеями. Тем не менее мне однажды суждено было принять участие в поисках орхидеи столь исключительного характера, что при описании их мне не следует опускать подробностей. По крайней мере, я подробно опишу эти поиски, и если кто-либо впоследствии захочет издать мои записки, он может свободно сделать это.

Это было в том году... Впрочем, к чему нам знать, в каком именно году это было – это было очень давно, когда я еще сравнительно нестарым человеком участвовал в охотничьей экспедиции к северу от реки Лимпопо, граничащей с Трансваалем. Моим компаньоном был один джентльмен по имени Чарльз Скруп.

В Дурбан он приехал из Англии с целью поохотиться. По крайней мере, это было одной из причин его приезда.

Другой причиной была одна леди, которую я буду называть мисс Маргарет Маннерс, хотя это не настоящее ее имя. Кажется, они были помолвлены и действительно любили друг друга. Но, к несчастью, они сильно повздорили из-за другого джентльмена, с которым мисс Маннерс протанцевала на охотничьем балу в Эссексе, где они жили, четыре танца подряд, включая два, обещанные ею раньше своему жениху. Во время последовавших за этим объяснений мистер Скруп заявил, что он не может перенести такого отношения к себе со стороны своей невесты. Мисс Маннерс ответила, что она не желает, чтобы ей указывали, как надо себя вести; она сама себе госпожа и намерена всегда оставаться таковой. Мистер Скруп воскликнул, что она может оставаться сама себе госпожой лишь постольку, поскольку это не касается его. Мисс Маннерс ответила, что после этого она больше не желает с ним встречаться. Тогда мистер Скруп решительно сказал, что она никогда не увидит его больше и что он уезжает в Африку.

Более того, он на следующий же день покинул свой дом в Эссексе, не оставив никому своего адреса. Как оказалось впоследствии, если бы он подождал прихода почты, то получил бы письмо, которое могло бы изменить его планы. Но он и его невеста были горячими молодыми людьми, способными надеть массу глупостей.

Итак, Чарльз Скруп приехал в Дурбан, который был тогда порядочным захолустьем. Мы встретились с ним в баре «Королевского отеля».

– Если вы хотите охотиться на крупных зверей, – говорил кто-то (кто именно, я не помню), – то только один человек может показать вам, как это делается. Это – охотник Квотермейн, лучший стрелок во всей Африке и притом превосходнейший человек.

Я сидел, покуривая свою трубку, и делал вид, что ничего не слышу. Неловко слушать, когда тебя хвалят, а я и без того всегда был довольно застенчивым человеком.

После непродолжительного разговора шепотом мистер Скруп подошел ко мне и представился. Я как можно учтивее поклонился и быстро оглядел его. Это был высокий молодой человек с темными глазами и несколько романтической наружностью.

Я сразу почувствовал к нему симпатию, которая еще более усилилась, когда он заговорил.

Я всегда придаю большое значение голосу и составляю свое первоначальное суждение о людях столько же по нему, сколько и по лицу. В голосе Скрупа чувствовалась особенная приятность, хотя слова, с которыми он обратился ко мне, были самыми обыкновенными.

Он сказал:

– Здравствуйте, сэр! Не желаете ли выпить со мной бутылочку чего-нибудь...

Я ответил, что днем я почти никогда не пью крепких напитков, но охотно выпью с ним бутылку пива.

Когда пиво было выпито, мы отправились в мой маленький домик, тот самый, в котором я впоследствии принимал своих друзей, Куртиса и Гуда. Там мы пообедали, и с этого момента Чарли Скруп не покидал моего дома до тех пор, пока мы не отправились в нашу охотничью экспедицию.

Остальное я должен изложить вкратце, так как оно только отчасти связано с той историей, которую я намерен рассказать.

Мистер Скруп был довольно богатым человеком. Он взял на себя все издержки по устройству экспедиции и, кроме того, предложил мне воспользоваться всей слоновой костью и другой возможной добычей нашего предприятия. Я, конечно, не отказался от такого предложения.

Все шло хорошо до тех пор, пока наше путешествие не закончилось несчастьем. Мы убили всего двух слонов, но зато встретили в изобилии всякую другую дичь. Несчастье произошло на обратном пути, когда мы находились недалеко от бухты Делагоа.

Как-то под вечер мы вышли на охоту с целью подстрелить что-нибудь к ужину. Скоро я заметил среди деревьев дикую козу. Она скрылась за выступом скалы, примыкавшей к склону оврага. Мы последовали за ней. Я шел впереди. Обогнув скалу, я увидел козу, стоявшую шагах в десяти от меня.

Вдруг из кустарника, растущего на вершине скалы, футах в двенадцати над моей головой, послышался шум и вслед за ним – возглас Чарли Скрупа:

– Смотрите, Квотермейн! Он уже близко!

– Кто? – спросил я раздраженным тоном, так как шум испугал козу и она убежала.

Вдруг у меня мелькнула мысль, что Скруп не стал бы кричать из-за пустяков, тем более что, спугнув козу, мы лишались ужина. Я обернулся и посмотрел вверх. До сих пор я отчетливо помню, что представилось тогда моим глазам. Надо мной была гранитная скала, вернее, несколько скал, в расселинах которых рос папоротник.

На одном из свесившихся вниз листьев папоротника сидел большой жук с красными крыльями и черным туловищем, потиравший передними лапками свои усики, а выше него, как раз на самой вершине скалы, виднелась голова великолепного леопарда. Записывая эти строки, я как сейчас вижу его четырехугольную морду, обрисованную на фоне вечернего неба, со слюной, повисшей на его губах.

Это было последним, что я видел, так как в следующий момент леопард бросился вперед и сбил меня с ног. Я предполагаю, что он тоже подстерегал добычу и был теперь весьма раздражен моим появлением на месте козы... К счастью, я упал на место, поросшее мягким мхом.

– Все кончено! – подумал я, почувствовав на своей спине тяжесть зверя, прижавшего меня к земле, и, что еще хуже, его горячее дыхание, когда он уже приготовился схватить меня зубами за шею. Потом я услышал выстрел Скрупа и последовавшее за ним яростное рычание леопарда, который, по-видимому, был ранен. По всей вероятности, ему показалось, что рана нанесена мной, так как он схватил меня зубами за плечо.

Я почувствовал, как его зубы скользнули по моей коже, но, к счастью, они захватили только материю моей охотничьей куртки из крепкого бумажного бархата. Зверь начал трясти меня, потом остановился, очевидно решив схватить меня получше. Тут я, вспомнив, что у Скрупа было одноствольное ружье и что поэтому он лишен возможности выстрелить вторично, понял, что пришел мой конец. Нельзя сказать, чтобы я почувствовал особенный страх. Вернее всего, во мне возникло чрезвычайно живое ощущение предстоящей большой перемены. Я припомнил – не всю свою жизнь, а всего два-три незначительных эпизода из

своего детства. Так, например, мне казалось, что я вижу себя сидящим на коленях своей матери и играющим маленькой золотой рыбкой, которую она носила на цепочке своих часов.

После этого я вскрикнул, прощаясь с белым светом, и, кажется, потерял сознание. Во всяком случае, мой обморок длился всего лишь несколько секунд. Когда я очнулся, моим глазам представилось необычное зрелище. Леопард и Скруп буквально дрались друг с другом. Леопард, стоя на задних лапах, передними, из которых одна была перебита, казалось, боксировал Скрупа, между тем как Скруп колол зверя своим охотничьим ножом. Потом они повалились на землю – Скруп первым, леопард на него. Я вскочил со своего мшистого ложа, причем послышался сосущий звук, будто мое тело покинуло топкое место.

Мое ружье лежало около меня нисколько не поврежденным и со взведенным курком, каким и было в тот момент, когда выпало из моих рук. Я схватил его и выстрелил зверю в голову, как раз в ту секунду, когда он собирался схватить Скрупа за горло. Леопард повалился мертвым. Одно содрогание, одно судорожное сжатие его когтей на ноге бедного Скрупа, и все было кончено. Он лежал, как будто спал, а под ним находился Скруп.

Освободить Скрупа было довольно трудно, так как зверь был очень тяжел, но мне наконец удалось сделать это с помощью найденного мною сука, отломанного от дерева каким-нибудь слоном.

Этим суком я воспользовался как рычагом. Скруп лежал, весь покрытый кровью, хотя трудно было сказать, его ли это собственная кровь или кровь леопарда. Сперва мне показалось, что он мертв, но после того как я плеснул на него водой из маленького ручейка, падавшего со скалы, он пришел в себя и несвязно спросил:

– Что со мной?

– Вы герой, – ответил я.

Потом, видя бесполезность дальнейших попыток разговаривать с ним, я решил перенести его в лагерь, который, к счастью, находился недалеко.

Пройдя сотни две ярдов (Скруп все время говорил несвязные фразы; его правая рука охватывала мою шею, я же своей левой рукой держал его за талию), я вдруг почувствовал, что он потерял сознание. Нести его мне было слишком тяжело, поэтому я оставил его и отправился за помощью.

В конце концов я с помощью кафров донес его на одеяле до палаток, где внимательно осмотрел его раны.

Он был весь исцарапан, но серьезными ранами можно было считать только прокушенные мускулы на левой руке и три глубоких ранения на бедре, нанесенные когтями леопарда.

Я дал ему небольшую дозу лауданума, чтобы заставить его уснуть, и, как сумел, перевязал ему раны. В продолжение первых трех дней все шло хорошо, и раны, казалось, начали заживать. Как вдруг у моего пациента появилось нечто вроде лихорадки, вызванное, я полагаю, ядом когтей или зубов леопарда.

Ох, какая ужасная неделя последовала за этим!

Скруп впал в горячное состояние и беспрестанно бредил различными вещами, особенно часто упоминая мисс Маргарет Маннерс. Я поил его крепким мясным бульоном, смешанным с небольшим количеством водки, и вообще, насколько было возможно, старался поддерживать его силы. Но он становился все слабее и слабее.

Кроме того, у него начали гноиться раны на бедре. Бывшие с нами кафры не могли оказать достаточной помощи, и ухаживать за раненым приходилось почти исключительно мне. К счастью, леопард не причинил мне никакого вреда, если не считать потрясения, а в те времена я был довольно крепким человеком. Но скоро недостаток отдыха отразился на мне, так как я не осмеливался уснуть больше чем на полчаса зараз.

Наконец наступило утро, когда я окончательно выбился из сил. В маленькой палатке лежал и метался в бреду бедный Скруп, а я сидел около него, раздумывая, доживет ли он до следующего дня, и если доживет, то сколько времени еще я буду в состоянии ухаживать за ним. Я приказал одному из кафров принести мне кофе и едва поднес своей дрожащей рукой чашку к губам, как неожиданно ко мне пришла помощь...

Перед нашим лагерем росло два больших куста терновника, и вот, при свете восходящего солнца, я увидел среди них странную фигуру, медленно направлявшуюся ко мне. Это был мужчина неопределенного возраста. Несмотря на то что его длинные волосы и борода были совершенно седыми, лицо было сравнительно молодым, если не считать нескольких морщинок около рта. Его темные глаза были полны силы и энергии. Одет он был в сильно поношенное платье, поверх которого было накинуто кожаное одеяло, неуклюже висевшее на его высокой худощавой фигуре. Обут он был в охотничьи сапоги из недубленной кожи. За спиной у него висел погнутый жестяной ящик, и в своих костлявых, нервных руках он держал длинную палку из черного с белым дерева, называемого туземцами умцимбити, к верхнему концу которой была прикреплена сетка для ловли бабочек. За ним шло несколько кафров, несущих ящики на головах.

Я сразу узнал его, так как мы встречались с ним как-то раз в Земле Зулу, когда он спокойно вышел из-за рядов воинов враждебно настроенного к белым туземного племени.

Джентльмен в полном смысле этого слова, он был одной из самых странных личностей во всей Южной Африке. Никто не знал, кто он и откуда, за исключением того, что он американец по происхождению. Последнее часто выдавал его выговор. Он был доктором по профессии и, судя по его искусству, имел одинаково большую практику как в чистой медицине, так и в хирургии. Для всех было тайной, откуда он получал средства к существованию. В продолжение многих лет он бродил по Южной и Восточной Африке, ловя бабочек и собирая цветы.

Туземцы и, я должен прибавить, многие белые считали его сумасшедшим. Такая репутация вместе с его врачебным искусством позволяла ему, не подвергая себя опасности, бродить, где только вздумается, так как кафры смотрят на безумных как на вдохновенных Богом. Они называли его Догита (испорченное произношение английского слова «доктор»). Белые называли его «братом Джоном», «дядей Сэмом», «святым Джоном». Второе прозвище он получил за свое необыкновенное сходство (когда бывал выбрит и хорошо одет) с фигурой, в виде которой изображают в юмористических журналах великую американскую нацию, точно так же, как Англию изображают в виде Джона Булля. Первое и третье прозвище он получил за свою доброту и предполагаемую способность питаться «акридами и диким медом». Сам же он предпочитал, чтобы его называли братом Джоном.

Ох! С какой радостью и облегчением я встретил его! Когда он подошел, я налил для него вторую кружку кофе и, вспомнив, что он любит очень сладкий кофе, положил побольше сахара.

– Здравствуйте, брат Джон, – сказал я, протягивая ему кофе.

– Здравствуйте, брат Аллан, – ответил он, потом взял кофе, опустил в него свой длинный палец, чтобы посмотреть, насколько он горяч и размешать сахар, и выпил его одним духом, словно это был не кофе, а лекарственный препарат. После этого он вернул мне кружку, чтобы я снова наполнил ее.

– Все собираете жуков? – спросил я. Он утвердительно кивнул головой.

– Жуков и цветы. Кроме того, делаю наблюдения над человеческой натурой и чудесными творениями природы.

– Откуда вы теперь? – спросил я.

– С холмов, что миль за двадцать отсюда. Покинул их вчера вечером. Шел всю ночь.

– Зачем? – спросил я, посмотрев на него.

– Мне казалось, что кто-то зовет меня. Признаться, мне казалось, что это были вы, Аллан.

– Значит, вы слышали, что я здесь и что со мной раненый товарищ?

– Нет, я ничего не слышал. Я собирался отправиться к побережью сегодня утром. Но вчера вечером передумал и направился сюда. Вот и все.

Я снова посмотрел на брата Джона, но ничего не сказал. Все это было очень странно, если только он говорил правду. Но он никогда не лгал. Это был в высшей степени правдивый человек.

– Что с вашим товарищем? – спросил он.

– Изранен леопардом. Раны не заживают, кроме того, у него лихорадка. Я думаю, что он не долго протянет.

– Ну, об этом вы ничего не можете сказать. Покажите мне его.

Он внимательно осмотрел Скрупа и сделал много чудесного. Его жестяной ящик был наполнен разнообразными лекарствами и хирургическими инструментами, которые он хорошо прокипятит, прежде чем начать ими пользоваться. Потом он настолько тщательно вымыл руки, что едва не стер с них кожу, употребив на это очень много мыла. Бедный Чарли прежде всего получил дозу какого-то лекарства, которое, казалось, убило его. Брат Джон сказал, что это кафрское снадобье. Потом он вскрыл раны на бедре у Скрупа, очистил их, приложил к ним какие-то травы и перевязал их. Когда Скруп очнулся, он дал ему какого-то питья, вызвавшего сильную испарину и прекратившего лихорадку.

Через два дня пациент брата Джона попросил поесть и уже мог сидеть в постели, а через неделю он настолько оправился, что его можно было нести к побережью.

– Ваш призыв спас жизнь брату Скрупу, – сказал мне старый Джон на пути к побережью.

Я ничего не ответил. Этот «призыв», как называл его брат Джон, может быть объяснен телепатией, внушением, инстинктом или просто совпадением. Пусть читатель сам выведет о нем свое заключение.

За время нашей совместной жизни в лагере, последовавшего потом путешествия в бухту Делагоа и переезда оттуда в Дурбан мы с братом Джоном постепенно сделались большими друзьями. О своем прошлом (о котором я узнал впоследствии) и о цели своих скитаний он, как я уже упоминал, ничего не говорил. Но зато он много говорил о своих естественных и этнографических занятиях. Я тоже интересовался этими вопросами и из своей личной практики знал многое об африканских племенах, их нравах и обычаях.

Среди других вещей, которые он мне показывал, у него было много разнообразных предметов, собранных во время недавнего путешествия, жуков и бабочек, аккуратно приколотых к донышку специальных ящичков, и большое количество сухих цветов, разложенных между листами папиросной бумаги. Среди последних, по словам брата Джона, было много орхидей.

Заметив, что они привлекают мое внимание, он спросил, не желаю ли я посмотреть на самую замечательную орхидею в мире. Я, конечно, ответил, что желаю, после чего он достал из одного из ящичков плоский пакет размером около двух с половиной квадратных футов и начал развязывать его. Сверху была тонкая травяная рогожка, какую плетут недалеко от Занзибара, потом крышка упаковочного ящика, потом снова рогожка и несколько старых номеров «Капского журнала», потом несколько листов папиросной бумаги и, наконец, между двумя листами картона – цветок и лист одного и того же растения.

Даже в засушенном виде это был удивительный цветок ярко-золотистого цвета. Чашечка его была белая с черными линиями. В самом центре цветка было единственное

темное пятно, имевшее вид обезьяньей головы. Здесь было все: нависшие брови, глубоко поставленные глаза, злобный рот и огромные челюсти. До того времени я видел горилл только на раскрашенных иллюстрациях. Мне казалось, что это изображение на цветке является точной копией такой иллюстрации.

– Что это? – удивленно спросил я.

– Сэр, – сказал брат Джон (он употреблял это формальное обращение, когда бывал в приподнятом настроении), – это самая замечательная *Surgrapedium* на всем земном шаре, и открыл этот цветок я! Здоровый отросток такого растения стоит по меньшей мере двадцать тысяч фунтов!

– Это лучше золотоискательства, – заметил я. – Что же, удалось вам достать такой отросток?

– Нет, не посчастливилось, – ответил брат Джон, печально покачивая головой.

– Откуда же у вас такой цветок?

– Я расскажу вам об этом, Аллан. Год с небольшим тому назад я занимался пополнением своих коллекций в местности, лежащей за Килвой, и нашел там несколько чрезвычайно интересных вещей. Наконец, милях в трехстах за Килвой, я встретил одно племя, вернее, народ, который до сих пор не посещал ни один белый человек. Это многочисленное и воинственное племя смешанной зулусской крови называло себя мазиту.

– Я слышал о нем, – прервал я брата Джона, – полтора столетия тому назад, незадолго до времен Сензангаконы, оно поселилось на севере.

– Я легко понимал их язык, – продолжал брат Джон, – так как они говорят на немного испорченном зулусском языке, как и другие племена, живущие в тех местах. Сперва они хотели убить меня, но потом раздумали, так как решили, что я безумец. Все считают меня безумным, Аллан, но это глубокое заблуждение. Скорее, безумно большинство других людей.

– Ну, а что же дальше стали делать мазиту? – поспешно спросил я, не желая продолжать разговор о безумии брата Джона.

– Потом они узнали, что я обладаю медицинскими познаниями. Ко мне явился их король Бауси с чрезвычайно большой опухолью. Я рискнул сделать ему операцию и вынул его. Это было очень рискованное предприятие, потому что если бы он умер, мне тоже пришлось бы умереть. Но это не очень беспокоило меня, – прибавил он со вздохом. – С этого момента меня, конечно, стали считать великим чародеем. А Бауси сделался моим кровным братом, перелив немного своей крови в мои жилы и немного моей в свои. Я опасался, как бы он не заразил меня своей болезнью. Итак, я стал Бауси, и Бауси стал мною. Другими словами, я такой же, как и он, вождь мазиту и всю свою жизнь останусь таковым.

– Это может пригодиться, – задумчиво сказал я, – но продолжайте дальше.

– Потом я узнал, что на западной границе земли мазиту находятся большие болота, что за этими болотами есть озеро, называемое Кируа, и что за ним лежит большая плодородная земля с горой посередине. Эту землю считают островом. Называют ее Понго – так же, как и народ, который ее населяет.

– Ведь это, кажется туземное название гориллы? – спросил я. – По крайней мере, так говорил мне один человек, бывавший на восточном побережье.

– Как вы дальше увидите, это в самом деле очень странно. Говорят, что понго – великие маги, поклоняющиеся богу-горилле или, вернее, двум богам. Другой бог у них цветок. Кто из них главный бог, цветок ли с обезьяньей головой или горилла – я не знаю. Вообще я знаю о них только то, что слышал от мазиту и от человека, называвшего себя вождем понго.

– Что же они говорили?

– Мазиту говорят, что понго – демоны, пробирающиеся секретными путями на лодках через тростники и похищающие у них женщин и детей для принесения в жертву своим богам. Иногда они нападают на мазиту по ночам, завывая при этом как гиены. Мужчин они убивают, женщин и детей забирают в плен. Мазиту тоже хотели бы напасть на них, но не могут. У них нет лодок, и потому они лишены возможности достигнуть острова, где живут понго, если только это остров. Кроме того, они рассказывали мне о чудесном цветке, который растет там, где живет бог-горилла, и которому тоже поклоняются как божеству. Они слышали об этом от некоторых людей своего племени, побывавших в плену у понго и бежавших от них.

– А вы не пробовали добраться до этого острова? – спросил я.

– Пробовал, Аллан. Я подходил к самому краю тростниковых зарослей у конца большой равнины, где начинается озеро. Там я провел некоторое время, занимаясь ловлей бабочек и сбором растений. Однажды ночью (я был в своем лагере один, так как никто из моих людей не оставался после заката солнца так близко от понго) я проснулся и почувствовал, что вблизи меня кто-то есть. Я выполз из-под своего навеса и при свете заходящей луны (рассвет был уже близок) увидел высокого человека, опершегося на длинное копье с широким наконечником. Этот человек был очень крупных размеров, ростом свыше шести футов. На нем был белый плащ, спускавшийся с плеч почти до самой земли. На голове у него была шапка с завязками, тоже белая, в ушах медные или золотые кольца и на руках – браслеты из такого же металла. Кожа у него была черная, но красивые черты его лица не были вполне негритянскими. Его нос не был приплюснутым, как у всех представителей негритянской расы, губы его были тонки. В целом в нем преобладали черты арабской расы. Лет ему было, вероятно, около пятидесяти. Его левая рука была перевязана, и лицо его выражало большую душевную тревогу. Он стоял столь неподвижно, что я начал думать, не одно ли это из тех привидений, которых понго, по словам мазиту, посылают в их страну.

– Мы долго смотрели молча друг на друга, так как я решил не начинать разговора первым. Наконец он заговорил низким, глубоким голосом на языке мазиту или на похожем на него языке, так как я легко понимал его.

– Не зовут ли тебя Догитой, о белый господин?

– Да, – ответил я. – Но кто ты, осмелившийся пробудить меня от сна?

– Господин! Я – Калуби, вождь племени понго, великий человек в своей стране.

– Зачем же ты, Калуби, вождь понго, пришел сюда в ночное время и один.

– А зачем ты, белый господин, пришел сюда один? – уклончиво ответил он.

– Чего тебе надо? – спросил я.

– О Догита! Я ранен и хочу, чтобы ты излечил меня, – он посмотрел на свою перевязанную руку.

– Отложи в сторону копье и открой свой плащ, чтобы я мог убедиться, что у тебя нет ножа.

Он повиновался, отбросив копье на некоторое расстояние.

– Теперь развяжи руку.

Он развязал. Я зажег спичку – зрелище, которое, казалось, сильно испугало его, хотя он не сказал ни слова, – и при свете ее осмотрел руку. Первый сустав второго пальца отсутствовал. Судя по остатку, прижженному и туго обвязанному травинкой, он был откушен.

– Кто сделал это? – спросил я.

– Обезьяна, – ответил он. – Ядовитая обезьяна. Отрежь мне палец, о Догита, иначе завтра я умру.

– Почему же ты, Калуби, вождь понго, не обратился к своим врачам, чтобы они отрезали тебе палец?

– Нет-нет, – отвечал он, покачивая головой, – они не могут сделать этого. Это запрещает закон. А мне самому трудно сделать это, ибо если дальше окажется черное мясо, надо будет отрезать кисть руки, если и дальше окажется черное мясо, надо будет отрезать всю руку.

Я сел на свой походный стул и задумался, так как бесполезно было пытаться делать операцию при таком освещении. Калуби, думая, что я отклоняю его просьбу, пришел в сильное волнение.

– Будь милосердным, белый господин, – молил он меня, – не дай мне умереть. Я боюсь смерти. Жизнь тяжела, но смерть еще хуже. Если ты откажешь мне, я убью себя здесь, перед тобой, и мой призрак будет посещать тебя до тех пор, пока ты не умрешь от страха и не присоединишься ко мне. Какую плату ты хочешь? Золота, слоновой кости или рабов? Скажи, я дам тебе все.

– Молчи, – сказал я, так как увидел, что если он будет много говорить, его схватит приступ лихорадки, который приведет операцию к роковому исходу. По той же причине я не стал расспрашивать его о многом, что интересовало меня. Я развел огонь и начал кипятить свои хирургические инструменты. Калуби, вероятно, думал, что я занялся магией. Тем временем взошло солнце.

– Ну, – сказал я, – теперь покажи, насколько ты храбрый человек.

И вот, Аллан, я сделал операцию, отрезав ему палец у самого основания, так как думал, что в его рассказе о яде есть доля правды. И действительно, как я нашел впоследствии и теперь могу показать вам, ибо отрезанный сустав пальца до сих пор сохранился у меня в спирту, там был яд. Чернота, о которой говорил Калуби, распространилась почти по всему пальцу.

Вождь понго, без сомнения, был весьма терпеливым человеком. Во время операции он сидел неподвижно, как скала, и даже глазом не моргнул. Увидев, что в оперированном месте здоровая ткань, он издал глубокий вздох облегчения. Потом, когда все было кончено, он впал в легкий обморок. Я дал ему немного коньяка с водой, что подкрепило его.

– О господин Догита, – говорил он, когда я перевязывал ему руку, – на всю жизнь я твой раб. Но окажи мне еще одну услугу. В моей земле есть ужасный дикий зверь, откусивший мне палец. Это – демон. Он убивает нас, и мы боимся его. Я слышал, что у вас, белых людей, есть магическое оружие, которое убивает с шумом. Приди в мою землю и убей того дикого зверя своим магическим оружием. Я молю тебя, приди, приди, ибо я в страхе.

И действительно, у него был очень взволнованный вид.

– Нет, – ответил я, – я не проливаю крови. Я никого не убиваю, кроме бабочек, да и тех не так уж много. Но если ты боишься этого зверя, почему ты не отравишь его? Вам, черным, знакомо много ядов.

– Все бесполезно, – печально ответил он. – Зверь умеет различать яды. Некоторые он глотает, и они не вредят ему, к некоторым он не прикасается. Ни один черный человек не может убить его. Нам издревле известно, что он умрет только от руки белого.

– Очень странное животное, – подозрительно начал я, так как мне показалось, что Калуби лжет. Но в этот самый момент я услышал голоса своих людей. Они с пением шли ко мне через высокую траву, но, по-видимому, были еще далеко. Калуби тоже услышал их и вскочил на ноги.

– Мне надо идти, – сказал он. – Никто не должен видеть меня здесь. Но какую плату желаешь ты, о господин?

– За лечение я не беру платы, – ответил я. – Но постой. В вашей земле растет чудесный цветок. Не правда ли? Я хотел бы иметь этот цветок.

– Кто сказал тебе о цветке? – спросил Калуби. – Это – Священный Цветок. Не говори о нем, о белый господин, ибо говорить о нем для тебя рискованно. Вернись сюда и приведи

с собой кого-нибудь, кто может убить зверя, и я сделаю тебя богатым. Вернись и позови из тростника Калуби, и Калуби услышит твой зов и придет к тебе.

Потом он схватил свое копье и исчез в тростнике. Больше я его никогда не видел.

– Но откуда же вы, брат Джон, достали этот цветок?

– Однажды утром, спустя около недели, я нашел его около своей палатки стоящим в узкогорлом глиняном сосуде с водой. Я, конечно, просил Калуби прислать мне корень растения, но он, вероятно, понял, что мне нужен только цветок. Или, может быть, он не посмел послать целое растение. Во всяком случае, это лучше, чем ничего.

– Почему же вы сами не отправились в Понго и не добыли его?

– По многим причинам, Аллан. Мазиту клялись, что всякий, кто увидит этот цветок, будет умерщвлен. Когда они узнали, что у меня есть такой цветок, они заставили меня уйти миль за семьдесят, в другую сторону своей страны. Поэтому я решил подождать до тех пор, когда найдутся люди, которые согласятся сопровождать меня. Откровенно сказать, вы, Аллан, кажетесь мне человеком, который охотно взглянул бы на странного зверя, откусывающего людям пальцы и пугающего их до смерти. Удивительно, – прибавил он, с улыбкой поглаживая свою длинную седую бороду, – что мы с вами встретились вскоре после всего этого.

– Вы находите меня таким человеком? – ответил я. – Брат Джон, о вас болтают многое, но я пришел к заключению, что все это неверно.

Он снова улыбнулся и опять погладил бороду.

II. Аукционный зал

Мне помнится, что разговор о понго, почитателях гориллы и Священного Цветка, не возобновлялся до самого нашего приезда в мой дом в Дурбане. Туда я взял, конечно, с собою Чарльза Скрупа, туда же переехал и брат Джон, который, за недостатком лишней спальни в моем доме, разбил свою палатку в саду.

Однажды вечером мы с ним сидели на крыльце и курили. Единственной слабостью брата Джона было то, что он курил. Он совершенно не пил вина, ел мясо только тогда, когда был принужден к этому обстоятельствами, но при всяком удобном случае он, как и большинство американцев, курил сигары.

– Джон, – сказал я, – я думал о вашем рассказе и пришел вот к каким выводам.

– К каким, Аллан?

– Во-первых, вы были порядочным ослом, не узнав от Калуби больше. У вас был для этого удобный случай.

– Согласен с вами, Аллан, но, между прочим, я – доктор, и тогда меня главным образом занимала операция.

– Во-вторых, я уверен, что Калуби подвергся нападению своего бога-обезьяны и что обезьяна эта – горилла.

– Почему вы так думаете?

– Потому что я слышал об обезьянах соко, живущих в Центральной Африке, которые откусывают у людей пальцы на руках и ногах. Я слышал, что они очень похожи на горилл.

– Я тоже знаю этих обезьян, Аллан. Однажды я видел соко, огромную коричневую обезьяну, которая стояла на задних лапах и била себя в грудь. Я не успел хорошо рассмотреть ее, потому что бежал от нее.

– В-третьих, желтая орхидея может принести много денег тому, кто выкопает и перевезет ее в Англию.

– Я, кажется, говорил вам, Аллан, что она стоит около двадцати тысяч фунтов. Таким образом, ваш вывод не самостоятелен.

– В-четвертых, я не прочь выкопать с кем-нибудь эту орхидею и получить свою долю из двадцати тысяч фунтов.

К этим словам брат Джон проявил чрезвычайный интерес.

– Ага! – сказал он. – Теперь мы наконец дошли до самой сути дела. Я все ждал, когда вы скажете это, Аллан.

– В-пятых, – продолжал я, – для организации такой экспедиции потребуется значительно больше денег, чем есть у нас с вами вместе. Нам нужны компаньоны, безразлично, принимающие ли непосредственное участие в экспедиции или нет, но непременно с деньгами.

Брат Джон бросил взгляд на окно комнаты Чарли Скрупа, который, будучи еще довольно слабым, очень рано ложился спать.

– Нет, – сказал я, – с него довольно Африки. Да и вы сами говорили, что он окончательно оправится не раньше чем через два года. Кроме того, тут замешана одна леди. Я уже написал от себя письмо этой леди. Ее адрес я узнал от Скрупа, когда он не понимал, что говорил. Я написал ей, что он все время бредил только ею и что он герой. Ох! Что скажет Чарли Скуп, когда узнает, как я расписал его! Письмо ушло с последней почтой, и я надеюсь, что оно скоро дойдет по назначению. Теперь слушайте дальше. Скуп хочет, чтобы я проводил его в Англию. Он, по-видимому, надеется, что я смогу замолвить за него слово, если мне случится встретиться с той леди. Он берет на себя все расходы по путешествию и

предлагает уплатить мне за потерянное время. А так как я не был в Англии с тех пор, как мне было всего три года, мне не хотелось бы упускать такого случая.

У брата Джона вытянулось лицо.

– А как же экспедиция? – спросил он.

– Сегодня первое ноября, – ответил я, – дождливое время в тех местах начинается как раз теперь и длится до апреля. Так что до этого времени бесполезно будет пытаться посетить ваших приятелей понго. Я же тем временем успею съездить в Англию и вернуться обратно. Если вы доверите мне ваш цветок, я возьму его с собою. Быть может, мне удастся найти человека, который согласится дать денег на организацию поисков этого растения. А в это время вы можете, если хотите, жить у меня и располагать моим домом, как своим.

– Благодарю вас, Аллан, но мне нельзя сидеть так долго на одном месте. Я отправлюсь куда-нибудь и потом вернусь.

Он остановился, задумчиво устремив глаза в темноту. Потом продолжил:

– Видите ли, брат, мне надо бродить и бродить по этой земле до тех пор...

– Вы знаете, до каких пор? – пытливо спросил я.

Он сделал усилие и ответил с искусственной беззаботностью:

– Пока не изучу каждый дюйм ее. Есть еще очень много племен, которых я не посетил.

– Включая понго, – сказал я. – Кстати, если я достану денег на экспедицию, я полагаю, вы тоже отправитесь со мной? Ведь только с вашей помощью можно рассчитывать пробраться к понго через землю ваших друзей мазиту.

– Конечно, я отправлюсь с вами. Больше того, если вы не пойдете со мной, я пойду один. Я хочу исследовать Землю Понго, даже если бы мне грозила опасность никогда не вернуться оттуда.

Я пристально посмотрел на него и сказал:

– Ради цветка вы, Джон, готовы рисковать многим. Или, кроме цветка, вы ищете чего-либо другого? Если так, я, надеюсь, вы скажете мне всю правду.

– Хорошо, Аллан. Если вы так настаиваете, я скажу вам всю правду. О понго я слышал больше, чем рассказывал вам. Это было после того, как я оперировал Калуби, или после того, как я попытался пробраться к понго один. Но, как я уже вам говорил, мне это не удалось.

– Что же вы слышали?

– Я слышал, что у понго, наряду с белым богом, есть и белая богиня.

– Что же из этого?

– Ничего, за исключением того, что богини всегда интересовали меня. Спокойной ночи!

«Ты, старый воробей, – подумал я, – что-то скрываешь от меня. Хорошо. В один прекрасный день я узнаю, правда ли все это или нет. Но эта орхидея... Станный народ эти понго со своей белой богиней и Священным Цветком. Поистине Африка – страна необыкновенных людей и богов!»

Теперь место действия переносится в Англию. (Но не бойтесь, милый читатель, любитель приключений! Через несколько страниц оно снова перенесется в Африку.) Мистер Чарльз Скруп и я покинули Дурбан через день или два после моего последнего разговора с братом Джоном. В Кейптауне мы сели на почтовый пароход, небольшое уютное суденышко, которое после долгого и утомительного плавания наконец доставило нас целыми и невредимыми в Плимут. Нашими товарищами по путешествию были весьма скучные и неинтересные люди. Большинство из них я забыл, но одну леди помню хорошо. Судя по ее наружности, она, вероятно, начала свою карьеру прислужкой при баре. Теперь она была женой богатого виноторговца из Кейптауна. На нашу беду, она после обеда становилась чрезвычайно разговорчивой. Я припоминаю, как она сидела в салоне, освещенном керосиновой лампой, качавшейся над ее головой (она всегда садилась под лампой, чтобы всем были видны ее брил-

лианты). Я помню, она говорила: «Не вносите сюда вульгарных охотничьих манер, мистер Аллан (с ударением на Аллан) Квотермейн. Они не подходят приличному обществу. Вам следует пойти и причесать свои волосы». Ее маленький супруг испуганно говорил:

– Что ты говоришь! Перестань! Ты почти оскорбляешь, моя дорогая!

Но к чему я вспоминаю все это спустя столько лет, когда я забыл даже имена этих людей!

Мы посетили остров Вознесения, с волнами, разбивающимися о него в белую пену, с его обнаженным горным пиком, увенчанным зеленью, и черепахами в прудах. Мы захватили с собой пару, и я часто смотрел, как они лежат на баке на спинах, слабо шевеля своими конечностями. Одна из них издохла, и я велел мяснику очистить для меня ее панцирь. Впоследствии я преподнес его в полированном и обработанном виде мистеру Скрупу и его невесте в качестве свадебного подарка. Я предназначал его для рабочей корзинки и был весьма смущен, когда одна глупая леди во всеуслышанье объявила на свадьбе, что это самая красивая колыбель, какую она когда-либо видела. Я, конечно, пытался объяснить ей назначение черепаховой брони, а в это время все кругом хихикали.

Но к чему я пишу о таких пустяках, не имеющих прямого отношения к моей истории!

Я уже упоминал, что рискнул послать письмо мисс Маннерс относительно мистера Скрупа, в котором я, между прочим, сообщил, что «если герой останется в живых, то я, вероятно, привезу его домой со следующим почтовым пароходом». Мы прибыли в Плимут в тихий ноябрьский день, часов около восьми утра. Вскоре явился буксир за пассажирами, почтой и некоторым грузом. Я смотрел, как он подходит к нам, и увидел на его палубе полную леди, закутанную в меха, а рядом с ней красивую белокурую молодую женщину в изящном костюме. Немного спустя ко мне подошел стюард и сказал, что меня просят в салон. Я отправился туда и нашел там двух упомянутых дам, стоявших рядом:

– Мистер Аллан Квотермейн, – сказала полная леди. – Скажите поскорее, где мистер Скруп, которого вы везете домой?

Что-то в ней и в ее манере обращения так встревожило меня, что я едва мог ответить:

– Внизу, мадам, внизу...

– Моя дорогая, – сказала полная леди своей спутнице, – Я предупреждала тебя быть готовой к самому худшему. Соберись с духом и не устраивай сцены перед всеми этими людьми. Пути Провидения неисповедимы. Тебе не следовало отпускать бедного юношу в страну язычников.

Потом, обернувшись ко мне, она прибавила:

– Я полагаю, он набальзамирован? Мы хотели бы похоронить его в Эссексе.

– Набальзамирован! – воскликнул я. – Набальзамирован? Да он в ванне или был в ней всего лишь несколько минут тому назад!

В следующую секунду молоденькая леди пролила слезы радости на моем плече.

– Маргарет! – воскликнула ее компаньонка (она приходилась молодой особе чем-то вроде тетки), – я просила тебя не устраивать публичных сцен. Мистер Квотермейн, ввиду того, что мистер Скруп жив, будьте добры попросить его сюда.

Я немедленно притащил Скрупа, не дав ему окончить бритья.

Остальное легко можно себе представить.

Хорошо быть героем. С этих пор (благодаря мне) Чарльз Скруп остался таковым на всю жизнь. Теперь у него есть внуки, и все они считают его героем. Более того, он не возражает им. Потом я отправился в Эссекс к молодой леди, в ее имение с красивым домом. Я попал на большой парадный обед на двадцать четыре персоны. Мне пришлось произнести речь о Чарльзе Скрупе и леопарде. Это была великолепная речь. По крайней мере, все весело рукоплескали, включая и слуг, собравшихся в конце большой столовой.

Я помню, что для дополнения рассказа я ввел в него еще нескольких леопардов (самку и трех взрослых детенышей) и раненого буйвола. Согласно моему рассказу, всех их одного за другим мистер Скуп прикончил своим охотничьим ножом. Интересно было смотреть на него во время этого рассказа. К счастью, он сидел рядом со мной, и я мог толкать его ногой под стол. Все это было очень весело. Молодая пара была очень счастлива, так как они действительно любили друг друга.

Благодарение судьбе, мне с помощью брата Джона удалось снова соединить их.

Во время своего пребывания в Эссексе я, между прочим, впервые встретился с лордом Регноллом и прекрасной мисс Холмс, с которыми мне впоследствии суждено было пережить несколько очень странных приключений.

Спустя некоторое время я взялся за дело. Кто-то сказал мне, что в городе есть фирма, занимающаяся аукционной продажей орхидей, которые в то время входили в моду у богатых садоводов. «Вот – подумал я, – подходящее место, где мне следует показать свое сокровище. Без сомнения, господа “Мэй и Примроуз” – так называлась эта всемирно известная фирма – смогут познакомить меня с богатыми орхидистами, которые не задумаются внести пару тысяч фунтов на поиски цветка, стоившего, по словам брата Джона, неслыханную сумму денег. По крайней мере, я попытаюсь что-нибудь сделать».

И вот в одну пятницу, около двенадцати часов дня, я посетил деловую контору господ «Мэй и Примроуз», принеся с собою *Cypripedium*, которая лежала теперь в плоской жестяной коробке. Для своего посещения я выбрал очень неудачное время, так как на вопрос, могу ли я видеть мистера Мэя, я получил ответ, что он отсутствует.

– В таком случае я хотел бы видеть мистера Примроуза, – сказал я.

– Мистер Примроуз в аукционном зале, – ответил клерк, который, казалось, был очень занят.

– А где это? – спросил я.

– Выйдя за дверь, налево, потом опять налево, – сказал клерк, захлопывая окошечко.

От этой грубости мне стало так неприятно, что я уже был близок к тому, чтобы отказаться от своего предприятия.

Но, немного подумав, я все же пошел в указанном направлении и через минуту или две очутился в узком проходе, ведущем в большую комнату.

Для всякого нового человека эта комната представляла необычайное зрелище.

Первое, что бросилось мне в глаза, было объявление на стене, запрещавшее посетителям курить трубки. «Странные растения эти орхидеи, если они умеют отличать сигарный дым от трубочного», – подумал я, входя в большую комнату. Налево стоял длинный стол, уставленный горшками с самыми красивыми цветами, какие я когда-либо видел. Все это были разнообразные орхидеи. Вдоль стен стояли столы, сплошь заваленные корнями, тоже, по-видимому, орхидей. Моему неопытному глазу все эти кучи корней казались не стоящими и пяти шиллингов. Посреди комнаты стояла кафедра или трибуна, за которой сидел джентльмен с очень приветливым лицом. Он так быстро вел аукцион, что сидевший рядом с ним клерк едва успевал записывать покупателей. Перед кафедрой стоял стол, имевший вид подковы. За ним сидели покупатели. Конец этого стола никем не был занят, так что носильщики могли выставлять перед продажей каждую партию цветов. У самой кафедры стоял еще другой небольшой стол, на котором стояло около двадцати горшков наиболее красивых орхидей. Судя по объявлению, они должны были продаваться ровно в половине второго. По всей комнате стояли группы мужчин (дамы сидели за большим столом), большинство которых имело в петлицах орхидеи. Это, как я узнал впоследствии, были продавцы и любители орхидей. Все они произвели на меня очень хорошее впечатление. Комната мне тоже показалась чрезвычайно уютной, особенно по контрасту с ужасным лондонским туманом, царившим сна-

ружи. Я пробрался в угол, чтобы никому не мешать, и некоторое время смотрел на происходившее перед моими глазами.

Вдруг чей-то приятный голос рядом спросил меня, не желаю ли я заглянуть в каталог. Я посмотрел на говорившего и сразу почувствовал к нему чрезвычайную симпатию (я уже говорил, что принадлежу к людям, придающим большое значение первому впечатлению).

Это был обыкновенный белокурый молодой англичанин, не очень высокого роста, хорошо сложенный, с веселыми голубыми глазами и чрезвычайно приятным выражением лица. Лет ему было не более двадцати четырех – двадцати пяти. Я сразу почувствовал, что это чрезвычайно добрый и милый человек. На нем был немного поношенный костюм из грубой материи, с орхидеей в петлице.

– Благодарю вас, – ответил я, – я пришел сюда не покупать. Я мало смыслю в орхидеях, – прибавил я в виде пояснения, – за исключением некоторых видов, встречавшихся мне в Африке, и вот этой, – я похлопал по жестяному ящику, который держал в руках.

– Мне очень хотелось бы услышать что-нибудь об африканских орхидеях, – сказал он. – Что у вас в этом ящике, растение или цветы?

– Всего один цветок. Он принадлежит не мне. Один из моих африканских друзей просил меня... Впрочем, это длинная история, которая вряд ли будет интересна вам.

– Напротив. Судя по величине, это должно быть стебель или побег *Cymbidium*.

Я отрицательно покачал головой.

– Это не то название, которое упоминал мой друг. Он назвал этот цветок *Cypripedium*. Молодой человек был чрезвычайно удивлен.

– Один цветок *Cypripedium* во всем этом большом ящике? Должно быть, это очень большой цветок.

– Да, мой друг говорит, что это самый большой цветок, какой когда-либо находил. Он имеет около двадцати четырех дюймов в поперечнике.

– Двадцать четыре дюйма в поперечнике! – воскликнул молодой человек с видом крайнего удивления. – И притом *Cypripedium*? Сэр, вы, вероятно, шутите?

– Сэр, – ответил я с негодованием, – вы хотите сказать, что я лгу? Впрочем, может действительно оказаться, что этот цветок другого семейства.

– Во имя богини Флоры, покажите мне его поскорей!

Я начал открывать ящик. Он уже был наполовину открыт, когда к нам подошли два других джентльмена, которые либо слышали наш разговор, либо заметили возбужденный вид моего собеседника. Я заметил, что в петлицах у них тоже были орхидеи.

– Ба, Соммерс! – сказал один из них с деланой живостью, – что это у вас?

– Что это у вас? – повторил другой.

– Ничего, – ответил молодой человек, которого называли Соммерсом, – это... ящик с тропическими бабочками.

– А! Бабочки! – сказал номер первый и ушел. Но не так легко было удовлетворить любопытство номера второго, мужчины с ястребиными глазами.

– Покажите мне этих бабочек, – обратился он ко мне.

– Это никак не возможно, – воскликнул молодой человек. – Мой друг боится, как бы сырость не испортила их окраски. Не правда ли, Броун?

– Да, Соммерс, – ответил я, поняв хитрость и захлопывая ящик. Мужчина с ястребиными глазами удалился.

– Орхидист! – прошептал молодой человек. – Ужасный народ эти орхидисты! Оба эти джентльмена – очень богатые люди. Мистер Броун – надеюсь, так вас зовут, хотя, быть может, я ошибаюсь...

– Да, вы ошибаетесь, – ответил я, – меня зовут Аллан Квотермейн.

– А! Это лучше, чем Броун. Вот что, мистер Аллан Квотермейн. Здесь есть отдельная комната, куда я имею доступ. Быть может, мы перейдем туда с этим ящиком... (мимо нас проходил джентльмен с ястребиными глазами) с бабочками?

– С удовольствием, – ответил я.

Мы вышли из аукционного зала и в конце концов очутились в маленькой комнатке, по стенам которой стояли полки, уставленные книгами.

Соммерс тщательно запер за собой дверь.

– Ну-с, – сказал он тоном романтического злодея, оставшегося наедине с добродетельной героиней, – теперь мы одни. Мистер Квотермейн, покажите мне ваших... бабочек.

Я поставил ящик на стол у окна и открыл его. Потом был снят верхний слой ваты, и вот на свет появился золотистый цветок, сжатый между двумя стеклами, ничуть не поврежденный в больших путешествиях, прекрасный даже в мертвом виде.

Молодой человек, которого называли Соммерсом, не мог оторвать от него глаз. Один раз он обернулся, пробормотал что-то, потом снова принялся рассматривать его.

– О небо! Возможно ли, чтобы в этом несовершенном мире мог существовать такой цветок? Ведь вы не подделали его, мистер Квотермейн?

– Сэр, – сказал я, – вы во второй раз оскорбляете меня. Прощайте!

– Не обижайтесь! – воскликнул он. – Сжальтесь над слабостью бедного грешника! Вы не понимаете меня. Вы поймете это только тогда, когда начнете собирать орхидеи. Мистер Квотермейн, – продолжал он, понизив голос, – ваш друг прав. Это чудесная *Cypripedium*, стоящая целой золотой копи. Конечно, не этот цветок, а все растение, на котором он расцвел. Где же это растение, мистер Квотермейн?

– В одном месте в Африке, – ответил я. – Я могу указать его приблизительно, с точностью до трехсот миль.

– Это очень неопределенно, мистер Квотермейн. Конечно, я не имею никакого права спрашивать об этом, так как вы совсем не знаете меня... Но, уверяю вас, я человек порядочный. Быть может, вы расскажете мне историю этого цветка?

– Мне не следовало бы этого делать, – ответил я с некоторым колебанием.

Но все же, выпустив имена и точные обозначения местности, я вкратце рассказал ему все, касавшееся цветка, и объяснил, что ищу кого-нибудь, кто согласился бы финансировать экспедицию в отдаленное романтическое место, где, вероятно, растет эта особенная *Cypripedium*. Едва я окончил свой рассказ, как в дверь сильно постучали.

– Мистер Стивен, – сказал чей-то голос, – вы здесь?

– Наверное, это Бриггс! – воскликнул молодой человек. – Бриггс, управляющий моего отца. Закройте ящик, мистер Квотермейн. Входите, Бриггс, – сказал он, медленно открывая дверь. – В чем дело?

– Ваш отец, я хочу сказать – сэр Александр, – ответил появившийся в дверях взволнованный худощавый мужчина, – неожиданно пришел в контору и очень рассердился, не найдя вас там, сэр. А когда он узнал, что вы ушли на аукцион орхидей, он рассердился еще больше и послал меня за вами, сэр.

– Вот как? – невозмутимо ответил мистер Соммерс. – Хорошо, скажите сэру Александру, что я сейчас приду. Понимаете, Бриггс? Идите и скажите, что я сейчас приду.

Бриггс не очень охотно удалился.

– Я вынужден покинуть вас, мистер Квотермейн, – сказал мистер Соммерс, запирая за Бриггсом дверь, – но обещайте мне не показывать никому цветка до тех пор, пока я не вернусь. Я вернусь не более чем через полчаса.

– Хорошо, мистер Соммерс. Я подожду вас в аукционном зале полчаса и обещаю, что до вашего возвращения никто не увидит этого цветка.

– Благодарю вас. Вы хороший человек. Я обещаю, что, насколько это от меня будет зависеть, вы ничего не потеряете за вашу доброту.

Мы вместе вышли в аукционный зал, где мистер Соммерс вдруг что-то вспомнил.

– Вот беда! – воскликнул он. – Я чуть не забыл об этой *Odontoglossum*! Где же Вудден? Вудден! Идите сюда, мне надо поговорить с вами.

Лицо, названное Вудденом, повиновалось.

Это был мужчина лет около пятидесяти, с большими руками, ладони которых были покрыты мозолями, а ногти стерты, что характеризовало его как рабочего.

Одет он был в черный костюм, какой носят на похоронах люди рабочего класса. Я сразу решил, что это садовник.

– Вудден, – сказал Соммерс, – у этого джентльмена есть самая замечательная орхидея во всем мире. Присматривайте, чтобы его не ограбили. В этом здании, мистер Квотермейн, есть люди, которые из-за этого цветка не задумаются убить вас и выбросить ваш труп в Темзу, – мрачно прибавил он.

Получив такую инструкцию, Вудден устремил на меня свои блеклые глаза с выражением, показывавшим, что мое появление чрезвычайно удивило его. Потом, взявшись рукой за прядь своих волос песочного цвета, он спросил:

– А где же эта орхидея, сэр?

Я указал на жестяную коробку.

– Да, она там, – продолжал Соммерс, – и вы должны охранять ее. Мистер Квотермейн, если кто-либо попытается ограбить вас, позовите Вуддена, и он расправится с ним. Это мой садовник, на которого я вполне полагаюсь.

– Да, я расправлюсь с ним, – сказал Вудден, подозрительно оглядываясь и сжимая свои огромные кулаки.

– Теперь слушайте дальше, Вудден. Видите вы вон ту *Odontoglossum Pavo*? – он указал на растение, стоявшее посреди небольшого столика под аукционной трибуной. Растение было покрыто чрезвычайно красивыми цветами. На конце каждого цветочного лепестка было пятнышко, имевшее очень большое сходство с глазом павлиньего пера, почему, я полагаю, и цветок назывался *Pavo*, то есть павлиний.

– Я думаю, хозяин, что это самый красивый цветок во всей Англии, – убежденно ответил Вудден. – Тут многие вертятся вокруг него, словно собаки около крысиной норы. И видно, не даром!

– Это верно, Вудден. Но слушайте. Мы должны во что бы то ни стало приобрести этот цветок. За мной прислал отец. Я скоро вернусь, но могу и задержаться. В последнем случае вы будете действовать от моего имени. Вот визитка.

Он взял карточку и нацарапал на ней:

Мой садовник Вудден уполномочен мною действовать от моего имени.
С.С.

– Теперь, Вудден, – продолжал он, когда карточка была передана аукционеру, – смотрите, чтобы *Pavo* не ускользнула из ваших рук. С этими словами он ушел.

– Что сказал мой хозяин, сэр? – спросил меня Вудден. – Я должен приобрести этот цветок, сколько бы он ни стоил?

– Да, – ответил я, – я тоже понял его так. За этот цветок, я полагаю, придется заплатить изрядную сумму денег, пожалуй, несколько фунтов.

– Возможно, сэр. Я знаю только то, что я должен купить его. Вопрос о деньгах не останавливает моего хозяина, когда речь идет об орхидеях.

После этого мы расстались. Я удалился в свой угол, между тем как Вудден стал около стола, поглядывая одним глазом на Pavo, а другим на мой жестяной ящик.

Продажа понемногу прекратилась.

На аукционе было так много засушенных орхидей одного особенного сорта, что на всех них не нашлось покупателей.

Наконец жизнерадостный мистер Примроуз обратился с трибуны к собранию.

– Джентльмены, – сказал он, – я прекрасно понимаю, что вы сегодня пришли сюда не для того, чтобы раскупить эти запасы бедной *Cattleya Mossiae*. Вы пришли сюда, чтобы купить или посмотреть, как будет продаваться самая чудесная *Odontoglossum*, которая когда-либо цвела в этой стране. Это собственность одной знаменитой фирмы, которой я приношу свои поздравления как обладательнице исключительной редкости. Джентльмены, этому чудесному цветку следовало бы украшать королевскую оранжерею. Но он достанется тому, кто заплатит за него наибольшую сумму. Я полагаю, – прибавил он, окидывая взглядом все собрание, – что сегодня здесь собралось большинство наших крупнейших коллекционеров. Правда, я не вижу молодого орхидиста мистера Соммерса, но он поручил своему главному садовнику, почтенному мистеру Вуддену, одному из лучших ценителей орхидей в Англии, выступить за него на аукционе замечательного цветка, о котором я говорил. Ввиду того, что теперь ровно половина второго, мы можем приступить к делу. Смит, обнесите кругом *Odontoglossum Pavo*, чтобы все могли рассмотреть, как красив этот цветок. Только не уроните его. Джентльмены, прошу вас не трогать руками растения. Восемь вполне распустившихся цветков и четыре – нет, пять бутонов. Совершенно здоровое растение. Шесть ложных чашечек с листьями и три без них. Два отростка, которые можно срезать в надлежащее время. Кто желает купить *Odontoglossum Pavo*!

Интересно, кто будет иметь честь сделаться обладателем этого несравненного произведения природы? Благодарю вас, сэр – триста, четыреста, пятьсот, шестьсот, семьсот, в трех местах сразу. Восемьсот, девятьсот, тысяча! Джентльмены, немного поскорее!

Благодарю вас, сэр, – тысяча пятьсот, тысяча шестьсот. Это против вас, мистер Вудден. Ага! Благодарю вас, тысяча семьсот.

Тут наступила короткая пауза, во время которой я, думая, что цифра 1700 означает шиллинги, занялся переводом последних на фунты. Вышло 85 фунтов. «Право, – подумал я, – это слишком большая цена даже для очень редкого растения».

Голос мистера Примроуза вывел меня из задумчивости.

– Джентльмены, джентльмены! – говорил он. – Неужели вы допустите, чтобы это чудесное произведение флоры было продано по такой ничтожной цене? Если это случится, я надолго лишусь сна. Раз, – его молоток опустился в первый раз. – Подумайте, джентльмены, в каком я буду положении, когда мне придется сказать позорную правду знаменитым владельцам цветка, которые, со свойственной им деликатностью, не присутствуют здесь. Два, – его молоток опустился во второй раз. – Смит, поднимите цветок вверх. Пусть все видят, что они теряют!

Смит поднял вверх цветок, на который все присутствующие смотрели блестящими глазами.

Маленький молоток из слоновой кости описал круг над головой мистера Примроуза. Он уже был готов опуститься, как вдруг один спокойный джентльмен с длинной бородой, до сих пор не принимавший участия в торге, поднял голову и мягко сказал:

– Тысяча восемьсот.

– Ага! – воскликнул мистер Примроуз. – Я так и думал. Владелец самой большой коллекции в Англии не может допустить, чтобы это сокровище без борьбы ускользнуло из его рук. Против вас, мистер Вудден.

– Тысяча девятьсот, – сказал Вудден твердым голосом.

– Две тысячи, – эхом отозвался джентльмен с длинной бородой.

– Две тысячи сто, – сказал Вудден.

– Правильно, мистер Вудден! – воскликнул мистер Примроуз. – Вы вполне достойно представляете вашего патрона! Я уверен, что вы не остановитесь из-за нескольких жалких фунтов.

– Мне даны приказания, и я действую согласно им, – ответил Вудден.

– Две тысячи двести, – сказал длиннобородый джентльмен.

– Две тысячи триста, – эхом отозвался Вудден.

– Черт возьми! – воскликнул джентльмен с длинной бородой и быстро вышел из зала.

– *Odontoglossum Pavo* идет за две тысячи триста, только за две тысячи триста, – закричал аукционер. – Кто больше? Никто. Тогда я должен буду исполнить свой долг. Раз. Два. В последний раз, кто больше? Три! Цветок остается за Вудденом, представляющим своего патрона, мистера Соммерса.

Молоток опустился, и в этот самый момент мой молодой друг вошел в зал.

– Ну, Вудден, – сказал он, – *Pavo* уже продана?

– Продана, сэр. Я купил ее.

– За сколько же?

Вудден почесал свою голову.

– За две тысячи триста, сэр, а чего – шиллингов или фунтов, я точно не знаю.

В этот самый момент мистер Примроуз, который, наклонившись над своим пюпитром, был занят разговором с возбужденной толпой орхидистов, поднял голову.

– А, мистер Соммерс! – сказал он. – От имени всего этого общества позвольте мне поздравить вас с приобретением несравненной *Odontoglossum Pavo*, доставшейся вам за весьма умеренную цену – всего за две тысячи триста фунтов.

Право, молодой человек принял это известие очень спокойно. Он только вздрогнул и немного побледнел. Что касается меня – я чуть было не упал в обморок. Да, я был так поражен, что у меня буквально подкосились ноги.

Все кругом заговорили, но среди шума я ясно услышал слова молодого Соммерса, сказанные не очень громко:

– Вудден, вы круглый дурак!

На что последовал ответ:

– Моя мать постоянно говорила мне то же самое. Но в чем же я виноват? Я повиновался приказанию и купил *Pavo*.

– Да, вы правы, мой друг. Это моя вина, а не ваша. Я круглый дурак! Но как мне выйти из этого положения?

Потом, немного оправившись, он подошел к трибуне и сказал несколько слов аукционеру. Мистер Примроуз закивал головой, и я услышал его ответ.

– О, конечно, не беспокойтесь, сэр. Мы не можем требовать, чтобы такие дела устраивались в одну минуту. К вашим услугам целый месяц.

После этого продажа началась снова.

III. Сэр Александр и Стивен

Как раз в этот самый момент я увидел около себя плотного джентльмена с четырехугольной бородой и красивым, но сердитым лицом. Он, по-видимому, был здесь в первый раз и кого-то искал.

– Не можете ли сказать мне, сэр, – обратился он ко мне, – здесь ли джентльмен, которого зовут мистер Соммерс? Я немного близорук, а здесь слишком много народа.

– Да, он здесь, – ответил я, – он только что купил замечательную орхидею, так называемую *Odontoglossum Pavo*.

– В самом деле? Вот как! А не знаете ли вы, сколько он заплатил за нее?

– Огромную сумму, – ответил я. – Сначала я думал, что две тысячи триста шиллингов, а оказалось, что две тысячи триста фунтов.

Полный джентльмен так побагровел, что я боялся, как бы с ним не случился припадок. Некоторое время он тяжело дышал.

«Соперник-коллекционер», – подумал я и начал рассказывать ему историю покупки, которая, как мне казалось, чрезвычайно интересовала его.

– Видите ли, молодой человек был вызван к своему отцу. Я слышал, как он, уходя, приказал своему садовнику Вуддену купить растение, сколько бы оно ни стоило...

– Сколько бы оно ни стоило! Великолепно! Продолжайте, сэр. Это очень интересно!

– Садовник купил это растение после бешеного торга. Теперь он завертывает его, видите, вон там. Не думаю, что его хозяин предложил бы за цветок такую большую сумму, если бы сам присутствовал при аукционе. А вот и он. Если вы знаете его...

Молодой мистер Соммерс, выглядевший несколько бледным, направлялся ко мне, очевидно с целью переговорить со мною. Его руки были в карманах, во рту он держал незажженную сигару. При виде пожилого джентльмена он сложил губы, будто хотел издать свист, и выронил сигару.

– Ба, отец! – сказал он своим приятным голосом. – Мне передавали, что ты ищешь меня, но я никогда не думал найти тебя здесь. Ведь орхидеи тебя мало интересуют, не правда ли?

– Да, – с негодованием ответил отец Соммерса, – меня мало интересует весь этот сор, – он указал зонтиком на красивые цветы. – Но с тобой, Стивен, дело, кажется, обстоит иначе. Этот маленький джентльмен говорит, будто ты только что купил очень редкий экземпляр.

– Я должен извиниться перед вами, – вмешался я, обращаясь к мистеру Соммерсу. – Я совсем не знал, что этот... толстый джентльмен, – (тут Соммерс-сын слегка улыбнулся), – ваш отец.

– О, это пустяки, мистер Квотермейн. К чему вам было бы скрывать то, что будет опубликовано в газетах? Да, отец. Я купил очень редкий экземпляр – собственно, не я, а Вудден, но это, впрочем, не меняет дела, так как он действовал от моего имени.

– И сколько ты заплатил за этот цветок? Мне назвали сумму, но я думаю, что тут должна быть какая-то ошибка.

– Я не знаю, что тебе передавали, отец, но цветок достался мне за две тысячи триста фунтов. Это значительно больше того, чем я располагаю, и потому я хотел просить тебя одолжить мне эти деньги. Но мы можем поговорить об этом потом.

– Конечно, Стивен, мы могли бы поговорить об этом потом. Но, по-моему, сейчас самое подходящее время для этого. Поедем ко мне в контору. И вас, сэр, – обратился он ко мне, – я прошу отправиться с нами, так как вам, кажется, известны обстоятельства дела. И вы, пентюх, тоже идите с нами. – Последние слова относились к Вуддену, который подошел к нам с растением в руках.

Конечно, я мог бы отказаться от приглашения, выраженного в такой форме. Но я не сделал этого. Мне хотелось посмотреть, чем все кончится, и, кроме того, если представится случай, замолвить слово за молодого Sommer. Мы вышли из аукционного зала, сопровождаемые хихиканьем той публики, которая слышала вышеприведенный разговор.

На улице стояла великолепная карета, запряженная парой лошадей. Напудренный лакей открыл дверцу. Сэр Александр свирепым жестом пригласил меня войти, что я и сделал, заняв заднее сиденье, где было больше места для моего жестяного ящика. Потом вошел мистер Стивен, потом Вудден, державший драгоценное растение перед собой, словно это был жезл должностного лица, и, наконец, после всех – сэр Александр.

– Куда прикажете, сэр? – спросил слуга.

– В контору, – буркнул сэр Александр, и мы покатили. Четыре разочарованных родственника, возвращающиеся с похорон, не могли бы быть более молчаливыми, чем были мы. Наши чувства, казалось, были слишком глубокими для слов. Однако сэр Александр сделал одно замечание. Оно относилось ко мне.

– Я буду очень благодарен вам, сэр, если вы перестанете жать меня вашим проклятым ящиком.

– Извините, – сказал я и при попытке переменить положение ящика уронил его прямо на ноги сэру Александру. Я не стану повторять его второго замечания. Но я должен заметить, что он, по-видимому, страдал подагрой.

Маленькое происшествие чрезвычайно развеселило его сына. Он потихоньку толкнул меня в бок и едва удерживался от хохота. Я сидел как на иголках, ибо не знаю, что случилось бы, если бы он расхохотался. К счастью, в этот момент карета остановилась у весьма красивого дома. Не дожидаясь, пока слуга откроет дверцу, сэр Стивен выскочил из кареты и скрылся в доме – я полагаю, чтобы высмеяться на свободе, потом вышел я со своим жестяным ящиком, потом Вудден с цветком и, наконец, сэр Александр.

– Ждите меня, – сказал он кучеру, – я пробуду здесь недолго. Будьте добры последовать за мною, мистер... не знаю, как вас зовут, и вы, мистер садовник.

Мы последовали за ним и очутились в большой, роскошно обставленной комнате. Надо сказать, что сэр Александр был владельцем очень крупной меняльной конторы. Пришедший сюда раньше нас мистер Стивен сидел на подоконнике, заложив ногу на ногу.

– Ну-с, вот мы и одни, – саркастически сказал сэр Александр. Он обернулся к Вуддену, стоявшему около двери и все еще державшему перед собою завернутый в бумагу цветок.

– Говори, пентюх, – закричал он, – зачем ты купил этот цветок?

Последний ничего не ответил, только переступил с ноги на ногу.

Сэр Александр повторил свое приказание. Тогда Вудден поставил свое растение на стол и сказал:

– Если вы обращаетесь ко мне, сэр, то меня зовут совсем не так, как вы назвали. А если вы еще раз назовете меня так, то я разобью вам голову. – С этими словами он начал засучивать рукава своей куртки.

– Послушай, отец, – сказал Стивен, выступая вперед, – что толку из всего этого. Все совершенно ясно. Я приказал Вуддену во что бы то ни стало купить этот цветок. Больше того, я выдал ему доверенность. Правда, я думал заплатить за цветок не более трехсот фунтов. Но Вудден только исполнил мое приказание. За это его нельзя бранить.

– Вот это называется господин, достойный своего слуги, – вставил свое замечание Вудден.

– Прекрасно, мой милый, – сказал сэр Александр, – ты купил этот цветок. Но будь добр, скажи мне, чем ты заплатишь за него?

– Я полагаю, отец, что ты дашь мне на это денег, – быстро ответил мистер Стивен. – Две тысячи триста фунтов или в десять раз больше того – для тебя одинаково мало значат. Но

если ты откажешь мне в этом, что весьма возможно, то я сам сумею расплатиться. Как тебе известно, моя мать оставила мне по завещанию некоторую сумму денег, которая находится в твоём пожизненном владении. Я так или иначе достану денег под обеспечение этой суммы.

Если сэр Александр был раньше крайне раздражен, то теперь он стал похож на бешеного быка в лавке фарфоровых изделий.

Он в ярости метался по комнате, изрыгая отборную брань, от которой такому почтенному джентльмену следовало бы воздержаться, короче говоря, делал то, чего в его положении не следовало бы делать. Утомившись, он подбежал к письменному столу, подписал чек на предъявителя на сумму в две тысячи триста фунтов, вырвал его из книжки, смял и бросил его чуть не в лицо своему сыну.

– Ты недостойный молодой негодяй! – ревел он. – Я взял тебя в эту контору, чтобы ты мог приучиться к делу и со временем унаследовать от меня крупное предприятие. Ты не питал ни малейшего интереса к этому делу и остался таким же невеждой, каким был раньше. Ты не тратил своих, или, вернее, моих денег на скачки, карты и прочее, как это делают все джентльмены. Нет, ты покупал цветы, жалкие цветы, которые только клерки разводят на задних дворах!

– Древний, аркадийский вкус, – вставил я. – Полагают, что Адам жил в саду...

– Быть может, ты попросишь своего приятеля со щетинистыми волосами немного помолчать, – прохрипел сэр Александр. – Довольно с меня твоих долгов! Я лишаю тебя наследства и оформляю это до четырех часов – до закрытия нотариальных контор. Кроме того, я увольняю тебя со службы. Можешь, если хочешь, зарабатывать себе на хлеб поисками орхидей!

Он остановился, чтобы перевести дух.

– Это все, отец? – спросил мистер Стивен, вынимая из кармана сигару.

– Нет, молодой бесчувственный негодяй! Дом, который ты занимаешь в Туикенхэме, принадлежит мне. Будь любезен немедленно очистить его.

– По закону я как квартирант имею право прожить в нем еще целую неделю, – сказал мистер Стивен, закуривая сигару. – Если ты откажешь мне в этом, я потребую от тебя судебного постановления о выселении. Прежде чем покинуть квартиру, мне надо устроить свои дела.

– О негодяй! – прохрипел разъяренный отец. Вдруг его осенила какая-то мысль.

– Мерзкий цветок для тебя дороже отца? Хорошо! Я положу этому конец!

Он бросился к цветку, стоявшему на столе, с явным намерением уничтожить его. Но это не укрылось от бдительного Вуддена. Он быстро стал между сэром Александром и предметом его гнева.

– Только троньте Pavo, и я сшибу вас с ног, – с расстановкой сказал Вудден.

Сэр Александр посмотрел на *Odontoglossum Pavo*, потом на огромные кулаки Вуддена и... отказался от своего намерения.

– Черт побери ваш Pavo и всех вас! – крикнул он и быстро выбежал из комнаты, сильно хлопнув дверью.

– Конечно, – спокойно сказал мистер Стивен, обмахиваясь носовым платком. – Все это очень неприятно, но что поделать. Теперь, мистер Квотермейн, что вы скажете относительно завтрака? Ресторан Нима здесь рядом, а там превосходный стол. Только, я думаю, надо заехать в банк и получить по этому чеку. В гневе мой отец способен на все. Он может передумать и распорядиться не выдавать денег по этому чеку. Вы, Вудден, отвезете Pavo в Туикенхэм. Держите цветок в тепле и немного полейте его теплой водой, но осторожно, не касаясь стебля. Наймите кеб, закройте в нем окна и не курите. Я вернусь домой к обеду.

Вудден взял горшок с цветком в левую руку и вышел с поднятым кулаком правой – я полагаю, на случай, если сэр Александр подкарауливает его где-нибудь за углом. Мы же сommerсом заехали в банк и получили по чеку, потом позавтракали в переполненном публичной ресторане, где невозможно было поговорить.

– Мистер Квотермейн, – сказал Соммерс, – ясно, что здесь мы не можем разговаривать и, еще меньше того, рассмотреть вашу орхидею, которую я хотел бы изучить на досуге. Я буду располагать своей квартирой по крайней мере еще целую неделю. Хотите погостить у меня пару дней? Я мало знаю вас, а обо мне вам известно только то, что я лишенный наследства сын, не сумевший угодить своему отцу. Однако мы сможем провести несколько приятных часов в разговоре о цветах и прочем. Примите мое приглашение, если располагаете свободным временем.

– Я совершенно свободен, – ответил я, – я простой путешественник из Южной Африки, остановившийся в отеле. Если вы позволите захватить мне свой саквояж, я с удовольствием переночую у вас.

Мы прибыли в Туикенхэм в экипаже Соммерса, взятом из городской конюшни. Был уже почти вечер. Небольшой дом, называвшийся «Вербена-Лодж», был построен из красного кирпича, в стиле начала царствования Георга. Примыкавший к нему сад, площадь которого занимала почти целый акр, был, вероятно, чрезвычайно красив в летнее время. В оранжереи мы не заходили, так как для осмотра цветов было слишком поздно. Едва мы вошли в дом, хозяин вместе с Вудденом отправились водворять на новое место *Odontoglossum Pavo*. Потом мы прекрасно пообедали. Несмотря на ссору с отцом и вытекающие из нее последствия, мистер Стивен был в превосходном настроении духа. Очевидно, он решил пользоваться, пока возможно, всем, что принадлежало ему раньше. Вино, подававшееся за обедом, было превосходного качества.

– Видите ли, мистер Квотермейн, – сказал хозяин, – сегодня вы были свидетелем моего разрыва с отцом – разрыва, который уже давно назревал. Мой почтенный отец, составивший огромное состояние, думает, что я должен продолжать его дело. Я же смотрю на это иначе. Я очень люблю цветы и терпеть не могу финансовых операций. В Лондоне для меня самые приятные места – это аукционный зал, где мы с вами встретились, и ботанические сады.

– Все это так, – ответил я, – но мне кажется, что дело обстоит весьма серьезно. Ваш отец, по-видимому, не изменит своего решения. А как вы проживете без всего этого? – Я указал на дорогое серебро и вино.

– Не думайте, что это сколько-нибудь меня тревожит. Перемена для меня будет приятная. Кроме того, дело обстоит не так уж плохо, если даже отец не изменит своего решения, хотя он очень любит меня, так как я похож на мать. Она оставила мне шесть или семь тысяч фунтов. Я продам *Pavo* сэру Треголду – тому самому длиннородому джентльмену, который, как вы рассказывали, начал набавлять цену с тысячи восьмисот фунтов, – или кому-нибудь другому. Я напишу ему сегодня же. Долгов у меня нет. На службе у отца я получал три тысячи фунтов в год и если тратил деньги, то только на цветы. Черт побери прошлое, и да здравствует будущее!

С этими словами он залпом выпил стакан вина и весело засмеялся. Действительно, это был весьма симпатичный молодой человек, правда, немного легкомысленный, но легкомыслие и молодость связаны друг с другом, как бренди с содовой водой.

Я повторил его тост и выпил свое вино. Я люблю выпить стакан хорошего вина, как и всякий, кому приходится целыми месяцами пить скверную воду, хотя допускаю, что последняя для меня полезнее вина.

– Теперь, мистер Квотермейн, – продолжал Соммерс, – закуривайте вашу трубку. Мы перейдем в другую комнату и хорошенько рассмотрим вашу *Cypripedium*. Я не смогу уснуть, пока снова не увижу ее. Пойдите минуту, подождем этого пентюха Вуддена.

– Вудден, – сказал его хозяин, когда садовник вошел в комнату, – этот джентльмен, мистер Квотермейн, хочет показать вам орхидею, которая в десять раз красивее, чем *Pavo*.

– Извините, сэр, – ответил Вудден, – но если мистер Квотермейн утверждает это, то он говорит неправду. Во всем свете нет орхидеи красивее *Pavo*.

Я открыл ящик и вынул из него золотистую *Cypripedium*. Вудден посмотрел на нее и отшатнулся. Потом снова посмотрел на нее и ощупал свою голову, будто желая убедиться, на плечах ли она. Потом воскликнул:

– Какой чудесный цветок, если только это не подделка! Я умер бы от счастья, если бы увидел растение, на котором он расцвел.

– Сядьте, Вудден, и помолчите, – сказал его хозяин. – Теперь мистер Квотермейн расскажет нам от начала до конца историю этой орхидеи. Конечно, не надо точно указывать место, где растет этот цветок, так как было бы нечестно с нашей стороны выпытывать такую тайну. Но во всяком случае, Вудден и я сумеем держать язык за зубами.

Я заметил, что вполне доверяю им, и в течение получаса рассказывал им историю орхидеи. Потом объявил, что ищу лицо, которое согласилось бы финансировать экспедицию на поиски этого замечательного растения, и выразил уверенность, что во всем свете существует только один экземпляр такой орхидеи.

– А сколько надо для этой экспедиции? – спросил мистер Соммерс.

– Тысячи две фунтов, – ответил я. – Нам понадобится много людей, ружей, припасов и различных вещей для подарков.

– Но предположим, что экспедиция будет удачной и вы добудете растение. Что вы с ним сделаете?

– Я полагаю, что брат Джон, открывший это растение, получит треть суммы, вырученной от его продажи, треть получу я как начальник и организатор экспедиции, а остальную часть получит тот, кто даст денег на организацию этого предприятия.

– Великолепно! Так и решим!

– Что? – спросил я.

– Разделим стоимость орхидеи на три равные части. Только я ставлю условие получить свою часть, так сказать, натурой. Вы должны дать мне исключительное право на покупку остальных двух третей цветка.

– Вы хотите сказать этим, мистер Соммерс, что дадите две тысячи фунтов на экспедицию и сами примете в ней участие?

– Ну да. Я думал, что вам ясно это. Вы, ваш полубезумный друг и я будем искать этот золотой цветок и найдем его. Это решено!

На следующий день мы составили подробный договор и оба подписали его. Но перед этим я настоял, чтобы мистер Соммерс повидался с моим бывшим компаньоном Чарли Скрупом и расспросил его обо мне. Судя по тому, как стал относиться ко мне мистер Соммерс после этого свидания, я думаю, что Скруп дал мне самый лестный отзыв. Кроме того, я считал своим долгом указать Соммерсу в присутствии Скрупа (в качестве свидетеля) на опасности нашего предприятия. Я прямо сказал ему, что он может погибнуть от голода или лихорадки, попасть в руки дикарей или в когти дикого зверя, между тем как успех предприятия весьма сомнителен.

– Но ведь вы тоже подвергаетесь риску, – сказал он.

– Да, – ответил я, – но опасность является неотделимой принадлежностью моей профессии охотника и исследователя. Кроме того, я немолод и уже пережил много опасностей и лишений, которых не переживали вы. Это заставляет меня мало ценить свою жизнь. Мне

совершенно безразлично, умру ли я или проживу несколько лишних лет. Наконец, приключения сделались моею потребностью. Не думаю, что я смог бы долго прожить в Англии. Кроме того, я фаталист. Я убежден, что погибну тогда, когда мне это предопределено. Вы – другое дело... Вы еще молоды. Если вы останетесь здесь, я убежден, что со временем вы помиритесь с отцом. Стоит ли отказываться от такой перспективы и подвергать себя опасности в поисках редкого цветка? То, что я говорю, для меня невыгодно, так как мне трудно будет найти другое лицо, которое согласилось бы внести две тысячи фунтов в сомнительное предприятие. Но я настоятельно прошу вас обдумать все то, что я вам сказал.

Молодой Соммерс некоторое время смотрел на меня, потом весело рассмеялся и воскликнул:

– Кто бы вы ни были, мистер Аллан Квотермейн, вы джентльмен! Редко кто станет говорить против своей собственной выгоды.

– Благодарю вас, – сказал я.

– Мне надоела Англия, – продолжал он. – Я хочу посмотреть свет. Не золотистой Сургипедии ищущую (хотя я не прочь найти ее). Она только символ. Я ищущий приключений. Кроме того, я, как и вы, фаталист. Судьбе было угодно, чтобы мы встретились. Пусть будет, что будет.

– Хорошо, мистер Соммерс, – торжественно сказал я. – В Африке вы найдете много приключений. Либо найдете безвестную могилу в каком-нибудь малярийном болоте. Итак, вы сделали выбор.

Однако я так мало был удовлетворен этой сделкой, что за неделю до нашего отъезда, после долгого размышления, написал письмо сэру Александру Соммерсу, в котором, сколько возможно ясно, изложил все дело, не умолчав об опасностях нашего предприятия. В заключение я спрашивал его, находит ли он разумным допустить своего единственного сына участвовать в такой экспедиции из-за незначительной ссоры, происшедшей между ними.

Ответ не приходил, и я занялся приготовлением к отъезду. Денег у нас было более чем достаточно. Рабо была продана с некоторым убытком сэру Джошуа Треголду, что дало мне возможность с легким сердцем покупать все необходимое. Никогда у меня не было такого снаряжения, какое я теперь заблаговременно отправил на пароходе.

Наконец наступил день отъезда. Мы стояли на платформе в Паддингтоне, ожидая отхода поезда в Дартмут, так как в те времена почтовые пароходы, шедшие в Африку, уходили из этого порта. Минуты за две до отхода поезда, когда мы собирались войти в вагон, я заметил человека, лицо которого показалось мне знакомым. Он, по-видимому, искал кого-то в толпе. Это был мистер Бриггс, клерк сэра Александра, которого я видел в аукционном зале.

– Мистер Бриггс, – сказал я, когда он проходил мимо меня, – вы, вероятно, ищите мистера Соммерса? Он здесь.

Клерк вскочил в вагон и вручил мистеру Соммерсу письмо. Потом вышел из вагона и ждал около него. Соммерс прочитал письмо и, оторвав от него чистый клочок бумаги, поспешно написал несколько слов. Потом попросил меня передать этот клочок Бриггсу. Я не мог не прочесть написанное. Вот его содержание:

Слишком поздно. Храни тебя Провидение, дорогой отец.

Надеюсь, что мы снова увидимся. Если же не придется, то не поминай лихом своего безрассудного сына Стивена.

Через минуту поезд тронулся.

– Между прочим, – сказал Соммерс, когда мы отъехали от станции, – отец просил передать вам это письмо.

Я вскрыл конверт, надписанный смелым размашистым почерком, хорошо характеризовавшим обладателя, и прочел следующее:

Милостивый Государь!

Я высоко ценю мотивы, побудившие Вас написать мне, и сердечно благодарю Вас за письмо, которое свидетельствует о том, что Вы честный и сердечный человек. Вы пишете, что мой сын собирается принять участие в очень рискованной экспедиции. Вы были свидетелем происшедшего между нами. Конечно, я должен извиниться перед Вами за то, что вовлек Вас в неприятную семейную историю. Ваше письмо попало ко мне в руки только сегодня, так как было переслано в деревню из конторы. Я хотел сразу же вернуться в город, но сильный приступ подагры лишает меня возможности пошевелиться. Поэтому единственное, что я могу сделать, это написать своему сыну, в надежде, что письмо, посланное с клерком, вовремя попадет в его руки и, быть может, заставит его изменить свое решение участвовать в этой экспедиции. Я должен прибавить, что, хотя я во многом не схожусь со своим сыном, все же я горячо люблю его и желаю ему добра. Если с ним что-нибудь случится – я не переживу этого. Я понимаю, что изменение им планов может причинить Вам серьезные убытки и принести неприятности. Прошу Вас передать ему, что я охотно приму на себя расход в 2000 фунтов, которые, насколько я понял, он внес в Ваше предприятие. Однако весьма возможно, что мой сын, будучи в отношении упрямства очень похожим на меня, откажется изменить свое намерение. В таком случае прошу Вас взять его под свое покровительство и присматривать за ним, как за своим родным сыном. Скажите ему, пусть он при случае напишет мне. Быть может, напишете мне и Вы. Кроме того, передайте ему, что я буду присматривать за его цветами, оставленными в Туикенхэме, хотя и ненавижу их.

Ваш покорный слуга Александр Соммерс

Это письмо глубоко тронуло меня. Не говоря ни слова, я передал его своему компаньону, который внимательно прочел его.

– Хорошо, что он обещает присматривать за моими орхидеями, – сказал он. – Мой отец хоть и вспыльчив, но обладает очень добрым сердцем.

– Что же думаете делать? – спросил я.

– Конечно, продолжать путешествие. Я ни за что не вернусь обратно. Поэтому не пробуйте убеждать меня. Все равно это бесполезно.

Некоторое время молодой Соммерс был в сравнительно грустном настроении, что бывало с ним весьма редко. По крайней мере, он ничего не говорил и смотрел из окна вагона на расстилавшийся перед ним зимний пейзаж. Однако он мало-помалу оправился, и когда мы приехали в Дартмут, он был весел, как всегда, – настроение, которого я не разделял. Перед отходом парохода я написал сэру Александру письмо, в котором подробно описал положение дел. Я думаю, что его сын сделал то же самое, хотя и не показал мне письма.

В Дурбане, когда мы уже собирались отправиться дальше, я получил от сэра Александра ответ, посланный с первым пароходом, отошедшим вслед за нами. Что бы ни случилось, – писал сэр Александр, – он всегда будет питать ко мне самые дружеские чувства. Он просил меня написать ему в случае денежных затруднений и сообщил, что снесся по этому поводу с Африканским банком. В конце письма он прибавил, что его сын по крайней мере проявил твердость, за которую он уважает его.

Теперь мы надолго простимся с сэром Александром и всем, что относится к Англии.

IV. Зулус Мавово и готтентот Ханс

В начале марта мы благополучно прибыли в Дурбан и поселились в моем доме на Береа, где нас должен был ждать брат Джон. Но его там не оказалось. Старый хромой гриква Джек, некогда бывший охотником, а теперь присматривавший за моим домом, сообщил, что вскоре после моего отъезда Догита – так называл он брата Джона – забрал свой жестяной ящик и ушел в глубь страны. С тех пор, прибавил Джек, о нем ничего не слышно. Ящики с бабочками тоже исчезли. Они, как оказалось, были отправлены в Америку на парусном судне, плывшем в Соединенные Штаты и остановившемся в Дурбане, чтобы запастись провизией и пресной водой. Я никак не мог доискаться, что случилось с братом Джоном. Его видели в Марицбурге, потом – по словам знакомых мне кафров – на границе Земли Зулу. Дальше следы его терялись.

Все это до некоторой степени расстраивало наши планы. Возник вопрос, как быть. Брат Джон должен был стать нашим проводником. С племенем мазиту был знаком только он один. Он один посещал границы таинственной Земли Понго.

Хотя я и обладал большим опытом в путешествиях по Африке, тем не менее я мало был склонен пытаться достигнуть этой страны без его помощи.

Прошло недели две. О брате Джоне не было ни слуху ни духу. Стивен и я устроили совещание.

Я указал на затруднительность положения и высказал мысль, что не благоразумнее ли будет вместо поисков орхидеи отправиться поохотиться на слонов в известные мне части Земли Зулу, где в те времена эти животные водились в изобилии. Стивен был склонен согласиться на это, так как охота на слонов тоже имела в его глазах свои привлекательные стороны.

– Странно, – сказал я после некоторого размышления, – но я не помню ни одного предприятия, которое было бы удачным, после того как план был изменен в последний момент.

– Тогда бросим жребий, – предложил Стивен. – Пусть все решит Провидение. Орел – за золотистую *Surgipedium*, решка – за слонов.

Он бросил вверх полкроны. Монета упала на пол и закатилась под большой деревянный ящик желтого цвета, наполненный собранными мною редкостями. Мы напрягли все силы, чтобы сдвинуть его с места, и не без волнения бросились искать монету, так как от ее положения зависело многое. Я зажег спичку. Монета лежала в углу, в пыли.

– Ну что? – спросил я Стивена, растянувшегося животом на ящике.

– Орел – значит, орхидея, – ответил он. – Итак, все решено, и нам нечего ломать себе голову.

В продолжение двух последующих недель я был очень занят. Случилось, что в заливе стояла шхуна «Мария» вместимостью около ста тонн, принадлежавшая одному португальцу по имени Дельгадо, возившему товары в различные порты Восточной Африки и на Мадагаскар. Этот субъект совершенно не внушал мне доверия. Я подозревал, что он знается с работорговцами, которых в то время было весьма много, если сам не принадлежит к числу их. Но так как он направлялся в Килву, откуда мы намеревались отправиться в глубь страны, то я решил воспользоваться его шхуной для перевозки нашего отряда и багажа.

Сговориться с ним было не очень легко – по двум причинам: во-первых, ему, по-видимому, не хотелось, чтобы мы охотились в местности, лежащей за Килвой, где, по его словам, совершенно не было дичи. Во-вторых, он заявил, что хочет отплыть немедленно. Однако я

представил ему очень веский аргумент, на который он ничего не смог возразить, – именно деньги, и в конце концов он согласился отложить свой отъезд на две недели.

Потом я принялся за набор людей, которых, по моему расчету, для нас требовалось не менее двадцати. Я вызвал в Дурбан из Земли Зулу и верхних округов Наталья разных охотников, сопровождавших меня в прежних экспедициях. Их собралось около дюжины. Я всегда был в хороших отношениях со своими кафрами, и куда бы я ни собирался, они охотно сопровождали меня.

Начальником над ними после себя я назначил одного зулуса по имени Мавово. Это был мужчина высокого роста, с очень широкой грудью, возрастом старше среднего. Он обладал необыкновенной физической силой. Про него рассказывали, что он может повалить на землю быка, схватив его за рога. Я сам был свидетелем, как он пригнул к земле голову раненого буйвола и удерживал его до тех пор, пока я не подошел к зверю и не пристрелил его. Когда я впервые встретил Мавово, он был мелким вождем и колдуном в Земле Зулу. Он вместо со мной сражался за принца Умбулази в великой Тугельской битве – чего Кетчвайо никогда не мог простить ему. Спустя около года он получил предостережение, что его хотят убить. Тогда он бежал с двумя женами и ребенком. Убийцы настигли его прежде, чем он успел добраться до границы Наталья, и закололи его старшую жену и ребенка второй. Их было четверо, но, несмотря на это, Мавово, обезумев от ярости, бросился на них и перебил их всех. Потом с оставшейся в живых женой, израненной так же, как и он, перебрался через пограничную реку в Наталь. Вскоре умерла и вторая его жена; она не смогла пережить потери ребенка.

Мавово больше не женился, быть может потому, что теперь он был человеком без средств, так как Кетчвайо забрал у него весь скот. Кроме того, его лицо было обезображено ассегам, отхватившим у него правую ноздрю. После смерти своей второй жены он отыскал меня и сказал, что, став вождем без крааля, он хочет поступить ко мне на службу в качестве охотника. Я принял его и никогда в этом не раскаивался, так как он был очень верным слугой, храбрым, как лев, вернее, как буйвол, так как лев не всегда бывает храбрым.

Другим человеком, за которым я не посылал, но который явился сам, был старый готтентот по имени Ханс, спутник почти всей моей жизни. Когда я был мальчиком, он был слугой моего отца в Капской колонии. Он сопровождал меня в некоторых тогдашних войнах и разделял со мной все опасности приключений. Так, например, я и он были единственными людьми, избегнувшими участи Ретифа и его товарищей, убитых зулусским королем Динганом. В последующих сражениях, включая битву у Кровавой реки, он сражался рядом со мной и в конце концов получил хорошую долю при дележе отбитого скота. После этого он удалился на покой и открыл нечто вроде туземного магазина в местности, носившей название Пайнтаун, милях в пятнадцати от Дурбана. Здесь он приобрел дурные наклонности: пристрастился к пьянству и азартным играм и потерял большую часть своего имущества.

Однажды вечером я вышел из дому, где подводил свои счета, и увидел седого желтоголицего старика, сидевшего на корточках на веранде и курившего трубку, сделанную из майсового колоса.

– Добрый вечер, баас, – сказал он. – Это я, Ханс.

– Вижу, – несколько холодно ответил я. – Что ты тут делаешь? Неужели у тебя осталось время от игры и пьянства в Пайнтауне, чтобы навестить меня? Ведь вот уже три года, как я не видел тебя, Ханс.

– С игрой я покончил, баас, потому что мне больше нечего ставить. С пьянством тоже покончил, потому что, выпив одну бутылку «Капского Дыма», я на другой день становлюсь больным. Теперь я пью только воду и немного курю, чтобы придать ей вкус.

– Я рад это слышать, Ханс. Если бы мой отец, крестивший тебя, был сейчас жив, он много сказал бы тебе относительно твоего поведения, что он, наверное, сделает, когда ты попадешь в яму, ибо он будет ждать тебя там, Ханс.

– Знаю, знаю, баас. Я думал об этом, и это беспокоит меня. Преподобный отец бааса будет сильно сердиться на меня, когда мы встретимся в Огненном Месте, где он поджидает нас. Поэтому я хочу примириться с ним, встретив смерть на службе у бааса. Я слышал, что баас собирается в дальний путь. Я хочу сопровождать бааса.

– Сопровождать меня? Но ведь ты стар и не стоишь пищи и пяти шиллингов в месяц. Ты старый, разохшийся водочный бочонок, в котором нельзя держать даже воду.

По уродливому лицу Ханса пробежала улыбка.

– Ох, баас, я стар, но хитер. Все эти годы я набирался мудрости. Я полон ею, как пчелиное гнездо медом в конце лета. Я могу, баас, остановить течь в бочонке.

– Все это напрасно, Ханс. Ты не нужен мне. Я отправляюсь в очень опасное путешествие. Мне нужны люди, на которых я мог бы положиться.

– На кого же, баас, можно положиться, как не на Ханса? Кто предупредил бааса о нападении квебов у «Источника Марэ»? Кто был около бааса во время великой битвы? Ах, я снова становлюсь молодым, когда вспоминаю, как загорелась крыша, как была взломана дверь, как мы встретили квебов копьями. Наши жизни, баас, переплелись, как ползучее растение с деревом. Куда пойдет баас, туда должен идти и я. Не надо прогонять меня. Я не прошу никакого жалованья. Мне надо немного пищи, горсть табаку, свет от лица бааса и изредка несколько слов о том, что вечно памятно нам обоим. Я еще достаточно силен. Я умею хорошо стрелять. Кто надоумил бааса целиться в хвост коршунам на Холме Убийства в Земле Зулу и этим спас жизнь бурам? Баас не прогонит меня, правда?

– Хорошо, – сказал я, – можешь идти со мною. Но ты должен поклясться духом моего отца, что за все путешествие не прикоснешься к спиртным напиткам.

– Клянусь духом его! – воскликнул он и, бросившись на колени, взял мою руку и поцеловал ее. Потом поднялся и сказал деловым тоном: – Я буду благодарить бааса, если он даст мне два одеяла и пять шиллингов, чтобы купить табаку и новый нож. Где ружья, баас? Их надо вычистить. Пусть баас возьмет с собою маленькое ружье Интомби, то самое ружье, из которого он стрелял по коршунам на Холме Убийства, то самое ружье, из которого он стрелял по гусям в Гусиной Лощине, когда я заряжал для него, и он вышел победителем в состязаниях с буром, которого Дингаан называл «двуликим».

– Хорошо, – сказал я, – вот тебе пять шиллингов. Кроме того, ты получишь два одеяла, новое ружье и все необходимое. Ружья ты найдешь в маленькой задней комнате. Там же стоят ружья другого бааса, который теперь тоже будет твоим господином. Пойди, посмотри на них.

Наконец все было готово. Ящики с ружьями, боевым снаряжением, лекарствами, вещами для подарков и съестными припасами были перевезены на борт «Марии». Туда же были перевезены четыре осла, которых я купил в надежде, что они пригодятся для верховой езды или как вьючные животные. Следует заметить, что только для человека и осла не опасны ядовитые укусы мухи цеце, если, конечно, не считать диких животных.

Мы проводили последнюю ночь в Дурбане (было полнолуние в конце марта), так как португалец Дельгадо заявил о своем намерении отплыть на следующий день. Стивен и я сидели на крыльце, курили и разговаривали.

– Странно, что брата Джона до сих пор нет, – сказал я. – Я знаю, что он хотел устроить эту экспедицию не только из-за орхидеи, но, кроме того, по какой-то другой причине, о которой он не хотел говорить. Мне кажется, что старика уже нет в живых.

– Весьма возможно, – ответил Стивен, – всякий человек, оставшийся один среди дикарей, легко может погибнуть. Но постойте. Что это такое? – он указал на кусты гардении, растущие около дома. Оттуда слышался шорох.

– Собака или, быть может, Ханс. Он забирается повсюду вблизи тех мест, где бываю я. Ханс, это ты?

Из-за куста гардении показалась чья-то фигура.

– Да, это я, баас.

– Что ты там делаешь, Ханс?

– То же, что и собака, баас, – охраняю своего господина.

– Прекрасно, – ответил я. Тут мне пришла в голову одна мысль. – Ханс, – сказал я, – не слышал ли ты о белом баасе с длинной бородой, которого кафры называют Догита?

– Я слышал о нем и видел его несколько лун тому назад, когда он проходил через Пайнтаун. Кафр, который был с ним, сказал мне, что Догита направляется куда-то через Дракенсберг искать маленьких животных, которые ползают и летают. Но ведь он совсем сумасшедший, баас.

– Хорошо. А где он теперь, Ханс? Он должен был быть здесь, чтобы отправиться вместе с нами.

– Разве я дух, чтобы суметь сказать баасу, куда ушел белый человек? Но вот что: Мавово может сказать это. Как раз сегодня вечером его змея-прорицательница вошла в него. Он гадает там за домом. Я видел, как он составлял круг.

Я перевел Стивену слова Ханса (последний говорил по-голландски) и спросил его, не желает ли он посмотреть на кафрское гадание.

– Охотно, – ответил он, – но ведь все это вздор, не правда ли?

– Конечно, это так или, по крайней мере, многие это утверждают, – уклончиво ответил я. – Однако эти люди иногда говорят необыкновенные вещи.

Потом под предводительством Ханса мы тихо обошли вокруг дома и остановились у стены футов в пять высотой, примыкавшей к задней части конюшни. За этой стеной, среди нескольких хижин, в которых жили мои кафры, было открытое место с подобием очага, где они готовили себе пищу. Здесь, лицом к нам, сидел Мавово, а вокруг него все охотники, которые должны были сопровождать нас. Кроме них, тут были хромой гриква Джек и двое домашних слуг. Перед Мавово горело несколько маленьких костров. Я сосчитал их. Их было четырнадцать – точное число наших охотников плюс мы.

Один из охотников подбрасывал в эти костры маленькие кусочки щепок и сухую траву, чтобы они горели ярко. Остальные молча сидели вокруг и благоговейно смотрели на это. Сам Мавово имел вид человека, погруженного в сон, и сидел на корточках, склонив почти на самые колени свою огромную голову. Он был опоясан змеиной кожей; на шее у него висело украшение, которое, по-видимому, было сделано из человеческих зубов.

Справа от него лежала куча перьев из крыльев коршуна, а слева – маленькая кучка серебряных монет (я полагаю, плата охотников, которым он гадал).

Мы смотрели на него из-за прикрытия – каменной стены. Вдруг он пробудился от своего сна. Сперва он что-то пробормотал, потом посмотрел на луну и прочел, очевидно, молитву, слов которой я не мог разобрать. Потом трижды конвульсивно вздрогнул и воскликнул внятным голосом:

– Моя змея пришла. Она во мне. Теперь я могу видеть!

Три маленьких костра, находившиеся как раз напротив него, были несколько больше, нежели остальные. Он взял связку перьев коршуна, тщательно выбрал одно из них, сначала поднял его к небу, потом провел им в пламени через центр одного из трех костров, назвав при этом мое туземное имя – Макумазан. Вынув перо из огня, он очень внимательно осмотрел

обгорелые края – процедура, от которой холод пробежал по моей спине, так как я знал, что он вопрошает своего «духа» о том, что случится со мною в нашей экспедиции.

Что ответил ему дух, я не могу сказать, так как он отложил перо в сторону и, взяв другое, проделал с ним то же, что и с предыдущим. Только на этот раз он назвал имя Мвамвацела, сокращенная форма которого Вацела была названием, данным кафрами Стивену Соммерсу. Оно означало «улыбка» и, без сомнения, было дано последнему за его приятное улыбающееся лицо.

Проведя пером через правый из трех костров, Мавово внимательно осмотрел его и отложил в сторону. Так это продолжалось дальше. Он называл имена охотников одно за другим, начав с себя, как с начальника. Проведя пером через костер, представлявший судьбу упоминаемого охотника, он внимательно осматривал это перо и откладывал его в сторону. После этого он, казалось, снова погрузился в сон. Через несколько минут он очнулся, зевнул и потянулся, как человек пробуждающийся от естественного сна.

– Говори, – с великим беспокойством сказала все собрание, – Ты видел? Ты слышал? Что сказала тебе змея обо мне? Обо мне? Обо мне? Обо мне...

– Я видел, я слышал, – ответил он. – Моя змея говорит, что это путешествие будет очень опасным. Из тех, кто пойдет, умрет шесть человек: от пули, копья или болезни. Другие будут ранены.

– О! – воскликнул один из охотников. – Но кто умрет и кто останется в живых? Не сказала ли тебе этого твоя змея?

– Да, конечно, моя змея сказала мне это. Но она велела мне держать язык за зубами, чтобы кто-нибудь из вас не струсил. Кроме того, она сказала мне, что первый из вас, кто станет задавать мне вопросы, будет в числе тех, кто должен умереть. Теперь кто хочет задать мне вопросы? Спрашивайте, если хотите.

Странно, но никто из них не принял этого приглашения. Никогда я не видел людей, которые относились бы более безразлично (по крайней мере, внешне) к своему будущему. Все, казалось, пришли к заключению, что лучше всего предоставить будущее самому себе.

– Моя змея сказала мне еще кое-что, – продолжал Мавово. – Если среди вас есть трусливый шакал, который, думая, что он в числе шести обреченных на смерть, собирается избежать своей участи путем бегства, то это бесполезно. Ибо моя змея укажет мне его и научит меня, как поступить с ним.

Тут все в один голос заявили, что им в голову не приходило покидать Макумазана. Я убежден, что эти храбрые люди говорили правду. Без сомнения, они верили в гадание Мавово. Однако обещанная им смерть была еще далеко, и каждый из них надеялся, что он будет в числе тех, кто избегнет ее. Кроме того, зулусы в те времена были слишком привычны к смерти, чтобы бояться ее. Однако один из них решился высказать мысль (к которой Мавово отнесся с надлежащим презрением), что шиллинг, заплаченный за предсказание, должен быть возвращен ближайшим наследникам того, кто погибнет.

– С какой стати, – говорил он, – платить за то, что тебе предскажут смерть?

Это казалось ему безрассудным.

Конечно, у этих кафров странные взгляды на вещи.

– А где же твой костер, Ханс? – шепотом спросил я.

– У меня нет костра, баас, – просопел он мне в ухо. – Не считает ли баас меня за дурака? Если я должен умереть, я умру. Если я должен жить, я буду жить. Зачем же мне платить шиллинг за то, что все равно будет со временем известно? Кроме того, Мавово берет шиллинги и пугает всех, но никому ничего не говорит. Баасы не платили денег, и потому Мавово, хотя он и великий колдун, не может ничего предсказать баасам, так как его змея не работает без платы.

Это замечание казалось вздорным. Однако у меня явилась мысль, что ни одна цыганка не станет гадать, если ей не «позолотить ручку».

– Мне кажется, Квотермейн, – лениво сказал Стивен, – если наш друг Мавово знает так много, его следует спросить, как это советует Ханс, что случилось с братом Джоном. Что он скажет, вы передадите мне потом, так как я хочу пойти посмотреть на кое-что.

Я прошел через маленькие ворота в стене, как будто ничего не видел, и притворился удивленным при виде маленьких костров.

– Как, Мавово, – сказал я, – ты опять занимаешься гаданием? Я думал, что оно принесло тебе уже достаточно неприятностей в Земле Зулусов.

– Это так, баба, – ответил Мавово, имевший обыкновение называть меня «отцом», хотя был старше меня, – гадание уже стоило мне звания вождя, скота, двух жен и сына. Оно превратило меня в странника, который рад сопровождать некоего Макумазан в неведомые земли, где со мной может случиться многое, даже то, – многозначительно прибавил он, – что бывает последним. И все-таки дар остается даром, и им надо пользоваться. У тебя, баба, есть дар стрелять. Разве ты перестанешь стрелять? Ты должен странствовать. Можешь ли ты перестать странствовать?

Он взял одно из обожженных перьев из кучки, лежавшей около него, и внимательно осмотрел его.

– У меня острый слух, баба, и твои слова донеслись до меня через воздух. Ты, кажется, сказал, что мы, бедные кафрские колдуны, ничего не можем правильно предсказать, если нам не заплатят. Это, пожалуй, правда. Но змея, которая сидит в колдуне и прыгает над маленькой скалой, скрывающей от нее настоящее, может видеть тропинку, извивающуюся далеко-далеко через долины, потом горы, – до тех пор, пока эта тропинка не скроется высоко в небе. Так, на этом пере, опаленном моим волшебным огнем, я, кажется, вижу твое будущее, о мой отец Макумазан! Далеко, далеко идет твой путь, – он провел пальцем по всему перу. – Вот путешествие, – он смахнул обуглившийся комок, – вот еще, еще и еще, – он смахивал обуглившиеся комки один за другим. – Вот очень удачное путешествие, оно обогатит тебя. Вот еще одно удивительное путешествие, в котором ты увидишь необычайные вещи и встретишь странный народ. Потом, – он так сильно дунул на перо, что вся обуглившаяся часть его осыпалась, – потом останется только такой шест, какие некоторые люди моего племени втыкают в могилы и называют «столбами воспоминаний». О мой отец, ты умрешь в далекой земле, но ты оставишь после себя великую память, которая будет жить сотни лет. Ибо смотри, сколь крепко это перо, на которое огонь оказал так мало действия. Иное дело остальные перья, – прибавил он.

– Будь добр, Мавово, – прервал я его, – перестань гадать для меня, так как я совсем не хочу знать, что будет со мною. Я доволен своим «сегодня» и совсем не хочу заглядывать в будущее. В нашей священной книге сказано: «Довлеет дневи злоба его».

– Да, Макумазан, это хорошее изречение. Некоторые из твоих охотников теперь тоже думают так, хотя час тому назад они совали мне свои шиллинги, чтобы я предсказал им будущее. Ты тоже что-то хочешь узнать. Ведь не за тем прошел ты через эти ворота, чтобы показать мне мудрость своей священной книги. В чем дело, баба? Говори скорей, ибо моя змея становится усталой. Она хочет вернуться в свою нору, в потусторонний мир.

– Хорошо, – ответил я немного смущенно, так как Мавово обладал необыкновенной способностью угадывать тайные побуждения, – мне хотелось бы знать, что случилось с белым человеком с длинной бородой, которого вы, черные, называете Догитой. Он должен был ждать здесь, чтобы отправиться вместе с нами в это путешествие. Он должен быть нашим проводником, но мы не можем найти его. Где он и почему его здесь нет?

– Нет ли у тебя, Макумазан, чего-нибудь, принадлежащего Догите?

– Нет, – ответил я, – но постой... – Я вытащил из кармана огрызок карандаша, данный мне братом Джоном и сохраненный мною с того времени, так как я был бережливым.

Мавово взял его и тщательно осмотрел, как делал это с перьями. Потом своей мозолистой рукой выгреб из самого большого костра (представлявшего меня) кучку золы, разгреб ее по земле, сравнял и нарисовал на ней грубое изображение человека, такое, какое дети выцарапывают на выбеленных стенах. Окончив рисунок, он созерцал его с удовлетворением художника. С моря поднялся легкий ветерок, который смешал золу, изменив очертания рисунка.

Некоторое время Мавово сидел с закрытыми глазами. Потом открыл их, внимательно рассмотрел золу и остатки рисунка, взял лежавшее рядом одеяло и набросил его себе на голову и на золу. Потом откинул его в сторону и указал на рисунок, который теперь совершенно изменился. При свете луны этот рисунок походил теперь скорее всего на пейзаж.

– Все ясно, отец, – сказал он деловым тоном. – Белый странник Догита не мертв. Он жив, но болен. Что-то случилось с его ногой, и он не может ходить. Быть может, сломана кость или его укусил дикий зверь. Он лежит в хижине, какие строят себе кафры, только вокруг нее идет веранда, похожая на крыльцо твоего дома. Стены ее покрыты рисунками. Она находится далеко отсюда, где именно – я не знаю.

– Это все? – спросил я, так как он остановился.

– Нет, не все. Догита поправляется. Он присоединится к нам в трудное время в той стране, куда мы направляемся. Вот и все. Плата за это полкроны.

– Ты хочешь сказать, шиллинг, – возразил я.

– Нет, мой отец Макумазан. Шиллинг платят простые черные люди за предсказание будущего. За гадание же для белых людей, гадание, в котором искусны только такие великие маги, как я, Мавово, надо платить полкроны.

Я дал ему полкроны и сказал:

– Слушай, дружище Мавово. Я считаю тебя хорошим охотником и бойцом, но гадалщик ты, по моему мнению, плохой. Я так убежден в этом, что если Догита присоединится к нам в той стране, куда мы собираемся, и притом в затруднительный момент – я подарю тебе свое двустольное ружье, которое тебе так нравится.

На уродливом лице Мавово появилась улыбка.

– Тогда дай его мне сейчас, баба, – сказал он, – ибо я уже заработал его. Моя змея не может лгать, особенно за плату полкроны.

Я отрицательно покачал головой и отказал ему учтиво, но твердо.

– Эх, – сказал Мавово, – вы, белые люди, очень осторожны и думаете, что все знаете. Но это не так. Конечно, ты можешь насмеяться и говорить: «Мавово, храбрый в битве, великий охотник, верный человек, становится лжецом, когда дует на обожженные перья или читает то, что ветер пишет на пепле».

– Я не утверждаю, что ты лжешь, Мавово, но говорю, что ты обманут своим собственным воображением. Человек не может знать того, что от него скрыто.

– Разве это так, о Макумазан, о Бодрствующий В Ночи? Разве я, Мавово, ученик Зикали, Открывателя Путей, величайшего из магов, в самом деле обманут своим воображением? Разве нет у человека других глаз, кроме тех, которые на лице? Итак, ты все это утверждаешь. Мы, черные люди, знаем, что ты мудр. Так поэтому я, бедный зулус, не могу видеть того, чего не видишь ты? Так вот, когда завтра ты получишь тревожные вести с корабля, на котором мы должны отплыть, тогда вспомни о нашем разговоре и о том, может ли человек видеть то, что скрыто от него во мраке будущего. Ох! Твое ружье уже принадлежит мне, хотя ты, считая меня обманщиком, не хочешь дать его мне теперь. Хорошо, Макумазан. За то, что ты считаешь меня обманщиком, я никогда не буду дуть на перья или читать написанное ветром на пепле для тебя и всех, кто ест твой хлеб!

После этого он встал, сделал правой рукой прощальный жест, собрал маленькую кучку денег и мешок с лекарствами и удалился в хижину, служившую ему спальней.

На обратном пути в дом мы встретили старого хромого Джека.

– Баас, – сказал он, – белый вождь Вацела велел передать, что он и повар Самми пошли на корабль, чтобы присмотреть за багажом. Только что приходил Самми и увел его. Он сказал, что объяснит все завтра.

Я кивнул головой и вошел в дом, удивляясь, почему Стивен столь внезапно решил провести ночь на борту «Марии».

V. Работорговец Хассан

Кажется, прошло часа два после рассвета, когда на следующее утро меня разбудили стук в дверь и голос Джека, говорившего, что повар Самми хочет мне что-то сказать.

Удивляясь, как он мог попасть сюда (я знал, что он ночует на шхуне), я велел Джеку впустить его. Тут я должен заметить, что Самми был человеком смешанной крови. Я думаю, что в нем преобладала смесь малайца с индийским кули, с легкой примесью белого и, весьма возможно (в чем я, впрочем, не уверен), готтентота. В результате получился человек, обладающий немногими пороками и большими достоинствами.

Прежде всего я должен сказать, что Самми был, вероятно, самым большим трусом, какого я когда-либо видел. Трусость его была врожденной; однако, как это ни странно, она никогда не мешала ему попадать в очень опасные положения. Он прекрасно понимал, что экспедиция, в которую мы собираемся, будет полна опасностей. Зная его слабость, я указал ему на это. Тем не менее он умолял меня позволить ему сопровождать меня. Возможно, что причиной этому была наша привязанность друг к другу. За несколько лет до этого я как-то выручил Самми из большой беды, отказавшись от обвинения его в одном проступке. Я не стану пускаться в изложение подробностей этого дела. Скажу только, что исчезла некоторая сумма денег, которая была доверена Самми. Следует заметить, что в это время он был помолвлен с одной «цветной» леди, обладавшей расточительными наклонностями, на которой он все-таки не женился. После этого он ухаживал за мной во время тяжелой болезни. Отсюда привязанность, о которой я упоминал. Самми был сыном туземного миссионера и, по его собственным словам, получил христианское воспитание. Он был достаточно образован для человека своего класса и в придачу к нескольким туземным диалектам, с которыми он познакомился во время своей разнохарактерной деятельности, он превосходно говорил по-английски, хотя всегда применял самый напыщенный слог. Он никогда не употреблял коротких фраз, если мысль можно было выразить более длинно. В течение нескольких лет он был учителем в Кейптауне, в школе, где получали образование «цветные» люди. Его специальностью, по его собственным словам, были «английский язык и литература». Утомившись своими занятиями или будучи уволен со службы по какой-нибудь другой причине, о которой он никогда не говорил, он отправился в Занзибар, где занялся изучением арабского языка и сделался управляющим или главным поваром в отеле. Спустя несколько лет он лишился этого места и снова появился в Дурбане, Здесь он снова встретился со мной незадолго до экспедиции в Землю Понго. Он обладал учтивыми манерами и по натуре был весьма религиозным. Я уверен, что он был баптистом. По внешности это был маленький коричневый денди неопределенного возраста с аккуратным пробором на голове, при всяких обстоятельствах весьма опрятный в отношении платья. Я взял его потому, что он находился в затруднительном положении, был превосходным поваром, великолепной сиделкой, и еще потому, что мы, как я уже упоминал, были очень привязаны друг к другу. Кроме того, он всегда чрезвычайно забавлял меня, а в длительных путешествиях это чего-нибудь да стоит.

Таков, в общих чертах, был Самми.

Когда он вошел в комнату, я увидел, что на нем совершенно мокрое платье. Я спросил его, не идет ли дождь, или, быть может, он напился пьяным и уснул на сырой траве.

— Нет, мистер Квотермейн, — ответил он, — погода стоит превосходная, а что касается спиртных напитков, то я, подобно бедному готтентоту Хансу, дал себе слово не прикасаться к ним. В этом мы сходимся с ним, хотя мало похожи друг на друга.

— В чем же дело? — прервал я поток его красноречия.

– Сэр, не все обстоит благополучно на корабле, где я проводил ночь в обществе мистера Соммерса по его специальному требованию. Сегодня перед рассветом португальский шкипер и его арабы, думая, что мы спим, начали было поднимать якорь и готовиться к отплытию. Мы вышли из каюты. Мистер Соммерс сел на кабестан с револьвером в руке и сказал... Сэр, я не могу повторить того, что он сказал.

– Ну, хорошо. А дальше что?

– Потом, сэр, поднялась большая суматоха. Португалец и арабы грозили мистеру Соммерсу, но он продолжал сидеть на кабестане с твердостью скалы среди бурного потока. Он сказал, что уложит всякого, кто попытается коснуться кабестана. Что было дальше – я не знаю, так как кто-то толкнул меня в воду. Но я, будучи, к счастью, хорошим пловцом, доплыл до берега и поспешил сюда, чтобы сообщить вам об этом.

– Не говорил ли ты, идиот, еще с кем-нибудь? – спросил я.

– Да, сэр. По дороге я сообщил портовому офицеру, что на «Марии» происходят беспорядки, которые надо прекратить.

Одевшись через минуту, я позвал Мавово и остальных охотников. Они явились очень скоро. Одевание отнимало у них немного времени, так как их костюм состоял всего-навсего из... одеяла.

– Мавово, – начал я, – на корабле произошло...

– О, баба, – прервал он меня с подобием улыбки, – это странно, но сегодня ночью мне снилось, что я говорил тебе...

– Черт побери твои сны! – сказал я. – Собери своих людей и беги... Нет, постой. Теперь либо уже поздно, либо все обстоит благополучно. Приготовь своих охотников. Я пойду вместе с ними. Багаж можно будет перенести потом.

Менее чем через час мы были на набережной, недалеко от того места, где стояла «Мария». Теперь здесь великолепный Дурбанский порт, но в те времена местные портовые сооружения были самого примитивного характера.

Странное сборище представляли мы! Впереди шел я, одетый более или менее прилично, потом Ханс в своей грязной широкополой шляпе и засаленном платье из полосатой бумажной материи, за ним Самми в европейском костюме, мягкой войлочной шляпе и светло-синем галстуке с красными полосками; если бы не недавнее купание, он имел бы очень нарядный вид. За ним следовали суровый Мавово и его отряд охотников. На каждом из охотников был гладкий черный восковой круг, прикрепленный к их коротким волосам. Все они имели весьма свирепый вид. Согласно новому закону, у них не было права появляться в городе вооруженными. Их ружья уже были отправлены на судно, а их копья с широкими наконечниками были завернуты в циновки, служившие постелями, причем острия их были обмотаны сухой травой. Однако каждый из них держал в руках сучковатую дубину красного дерева. Шли они по-военному, по четыре в ряд.

Правда, когда мы сели в лодку, чтобы переправиться на корабль, их воинственный пыл охладился, так как эти люди, бесстрашные на суше, удивительно боятся незнакомой им стихии – воды.

Мы достигли «Марии» и взобрались на ее палубу. Прежде всего я увидел Стивена Соммерса, сидящего, согласно рассказу Самми, на кабестане с пистолетом в руке. Недалеко от него стоял, облокотившись на мостик, португалец Дельгадо, находившийся, по-видимому, в чрезвычайно скверном настроении духа. Он был окружен матросами-арабами такой же подозрительной наружности, как и он, одетыми в грязное белое платье. Тут же находился начальник порта, хорошо знакомый мне почтенный джентльмен по имени Като, мужчина малого роста, переживший, подобно мне, множество самых разнообразных приключений.

Он сидел со своей свитой около люка и курил, не спуская глаз со Стивена и португальца.

– Рад вас видеть, Квотермейн, – сказал он. – Я тоже только что прибыл сюда. Тут что-то произошло, но я не понимаю по-португальски, а джентльмен, сидящий на кабестане, ничего не объясняет.

– В чем дело, Стивен? – спросил я, обменявшись рукопожатием с мистером Като.

– В чем дело? – повторил Соммерс. – Этот человек, – он указал на Дельгадо, – хотел потихоньку уйти в море со всем нашим багажом. Без сомнения, мы с Самми были бы выброшены за борт, лишь только земля скрылась бы из виду. Но Самми, понимающий по-португальски, подслушал их разговор. Их план открылся, и я, как видите, принял надлежащие меры.

Как и следовало ждать, Дельгадо всячески отпирался от этого. Он уверял, что всего только хотел подвести судно несколько ближе к берегу и ждать нас там.

Он, конечно, лгал и знал, что нам ясен неудавшийся ему план потихоньку выйти в море и завладеть нашим имуществом, предварительно убив Стивена и бедного повара или высадив их на какой-нибудь необитаемый остров. Но доказать это было трудно. Кроме того, нас теперь было много, и мы сами могли постоять за себя и защитить свое имущество.

Основываясь на этом, я считал дальнейший спор бесполезным, Поэтому я с улыбкой принял объяснения Дельгадо и пригласил всех к утреннему завтраку. Потом Стивен рассказал мне, что, когда я накануне вечером разговаривал с Мавово, Самми, стороживший на судне наш багаж, попросил его прислать туда еще кого-нибудь. Зная трусливую натуру повара, он, к счастью, сразу решил отправиться на судно и провести там ночь. Дальше все было так, как рассказывал мне Самми.

Только оказалось, что он не был выброшен за борт, но решил искупаться добровольно в тот момент, когда столкновение с Дельгадо казалось неизбежным.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – сказал я. – Счастье, что вам пришла в голову мысль провести ночь на шхуне.

Потом все пошло хорошо. Я послал нескольких людей в сопровождении Стивена за остальным нашим багажом, который был благополучно доставлен на борт «Марии». Вечером мы отплыли.

Наш переезд до Килвы прошел очень хорошо. Легкий ветер нес нас по поверхности моря. Даже Ханс, который, по моему мнению, был самым плохим моряком в мире, и зулусские охотники не чувствовали тошноты, хотя и отказывались от пищи, как утверждал это Самми. Кажется, на пятый или седьмой день нашего путешествия мы бросили якорь около одного из островов Килвы, недалеко от старого португальского форта. Дельгадо, с которым мы мало имели дела во время нашего переезда, подал какой-то сигнал. В ответ на него пришла лодка с несколькими людьми, которых Дельгадо назвал портовыми чиновниками. Это была целая банда черных субъектов отчаянного вида под предводительством пожилого мужчины смешанной крови, с лицом, изуродованным оспой. Дельгадо представил его нам под именем бея Хассан-бен-Магомета.

Что Хассан-бен-Магомет относится крайне неодобрительно к нашему присутствию на судне и особенно к предполагаемой нами высадке в Килве, стало для меня ясным с того момента, как я увидел его неприятное лицо.

После поспешного совещания с Дельгадо он выступил вперед и обратился ко мне на арабском языке, в котором я не понимал ни слова. К счастью, наш Самми, бывший, как я уже говорил, большим лингвистом, обладал достаточным знанием этого языка, приобретенным, вероятно, во время его службы в занзибарском отеле. Поэтому я, не доверяя Дельгадо, позвал Самми, чтобы он был переводчиком.

– Что он говорит, Самми? – спросил я.

Он немного поговорил с Хассаном, потом сказал:

– Сэр, он приветствует вас и говорит, что слышал от своего друга Дельгадо, что вы большой человек и, кроме того, что вы и мистер Соммерс англичане – нация, которую он очень любит.

– В самом деле? – воскликнул я. – Я бы никогда не подумал этого, судя по взглядам, которые он бросает на нас. Поблагодари его за любезное приветствие и скажи ему, что мы намерены высадиться здесь и отправиться в глубь страны на охоту.

Самми повиновался, и наш разговор продолжался в таком духе:

Хассан. Я убедительно прошу вас не сходить на берег. Эта страна совсем неподходящее место для таких благородных джентльменов. Здесь нечего есть, а дичи уже много лет не видно. Страну эту населяют дикари, которых голод принудил сделаться людоедами. Я не хочу, чтобы ваша кровь пала на мою голову. Поэтому я прошу вас лучше отправиться на этом корабле в бухту Делагоа, где вы найдете хороший отель, или в какое-нибудь другое место.

А. Квотермейн. Могу ли я спросить вас, сэр, какое положение занимаете вы в Килве, что так заботитесь о нашей безопасности?

Х. Благородный английский лорд, я здешний купец португальской национальности, но рожденный от арабской матери высокого происхождения и воспитанный среди этого народа. Я имею сады, возделываемые моими туземными слугами, которые для меня все равно что родные дети. Я развожу пальмы, маниоку, земляные орехи, смоквы и другие растения. Все окрестные племена считают меня своим вождем и отцом.

А. К. В таком случае, благородный Хассан, ты можешь провести нас через эти племена, видя, что мы мирные охотники, никому не желающие причинить вреда.

(Продолжительное совещание Хассана с Дельгадо, во время которого я приказываю Мавеву вывести на палубу всех своих зулусов с ружьями.)

Х. Благородный английский лорд, я не могу позволить вам высадиться на берег.

А. К. Благородный сын пророка, я намерен завтра рано утром высадиться на берег со своим другом, спутниками, ослиами и багажом. Я буду рад, если ты позволишь мне сделать это. Если же нет... *(Я посмотрел на грозную группу охотников, стоявших позади меня.)*

Х. Благородный английский лорд, мне очень неприятно применять силу, но позволь мне сказать тебе, что в моей мирной деревне есть по крайней мере сотня людей, вооруженных ружьями, между тем как вас меньше двадцати человек.

А. К. *(обменявшись после некоторого размышления несколькими словами с Соммерсом)*. Не можешь ли сказать мне, благородный господин, не было ли видно из вашей деревни английское военное судно «Крокодил»? Это судно занимается поимкой арабских доу, принадлежащих работорговцам. Я получил письмо от его капитана. Он должен был быть в этих водах еще вчера, но, по всей вероятности, запоздает дня на два.

Если бы в ногах почтенного Хассана разорвалась бомба, эффект едва ли был бы меньший. Он не побледнел, но сделался ужасно желтым и воскликнул:

– Английское военное судно «Крокодил»! Я думал, что оно ушло чиниться в Аден и вернется в Занзибар не раньше чем через четыре месяца.

А. К. Ты получил ложные сведения, благородный Хассан. Оно не будет чиниться до октября. Прочешь тебе письмо? – *(Я вынул из кармана кусок бумаги.)* – Оно должно интересовать тебя, так как мой друг капитан, которого, как тебе известно, зовут Флауэрс, упоминает о тебе. Он пишет...

(Хассан махнул рукой.)

Х. Довольно. Я вижу, благородный господин, что ты горячий человек, которого нелегко отговорить от принятого решения. Если хочешь, высаживайся на берег и иди куда тебе нравится.

А. К. Я думаю, что мне лучше всего подождать прихода «Крокодила».

Х. Нет-нет, высаживайся на берег. Капитан Дельгадо, вели грузить их багаж в свою шлюпку. Моя лодка тоже к услугам этих лордов. Тебе, капитан, лучше всего уйти отсюда с вечерним отливом. Еще светло, лорд Квотермейн. Все, что в моих силах, к твоим услугам.

А. К. Я понимаю, бей Хассан, что ты шутил, когда настаивал на том, чтобы я отправился в другое место. Право, превосходная шутка для человека, гостеприимство которого так известно. Прекрасно, мы исполним твоё желание и высадимся на берег сегодня же вечером. Если капитан Дельгадо случайно увидит военный корабль «Крокодил», пусть он будет добр дать нам сигнал ракетой.

– Конечно, конечно, – прервал меня Дельгадо, делавший до этого времени вид, что не понимает по-английски, и заставлявший меня при разговоре с ним прибегать к помощи Самми. Потом он отвернулся и отдал приказание своим арабам-матросам перенести наши тюки из трюма в лодку. Никогда я не видел более быстрой погрузки. Через полчаса на шхуне не осталось ни одного нашего тюка. Стивен Соммерс наблюдал за их переноской. Наш личный багаж был положен в шлюпку с «Марии», а остальные тюки вместе с четырьмя осликами были как попало свалены на плоскодонную баржу, принадлежавшую Хассану. На этой барже поместился я с половиной наших людей, остальные под командой Стивена заняли места в меньшей лодке.

Наконец все было готово, и мы отчалили.

– Прощайте, капитан, – крикнул я Дельгадо, – если встретите «Крокодила»...

Тут Дельгадо разразился таким потоком брани на португальском, арабском и английском языках, что конец моего замечания, по-видимому, не достиг его.

В то время, когда мы гребли по направлению к берегу, я заметил, что Ханс, сидевший недалеко от меня под одним из ослов, обнюхивает, словно собака, борт и дно баржи. Я спросил его, в чем дело.

– Странный запах в этой лодке, – прошептал он по-голландски, – она пахнет кафрами так же, как и трюм «Марии». Я думаю, что на этой лодке перевозили невольников.

– Сиди спокойно и перестань обнюхивать лодку, – сказал я, подумав при этом, что Ханс прав. Очевидно, мы попали в гнездо работорговцев и Хассан их предводитель.

Мы миновали остров, на котором я заметил развалины старого португальского форта и несколько длинных хижин, крытых соломой, где, должно быть, содержались невольники до отправки на корабль. Заметив, что я пристально смотрю на эти хижины, Хассан поспешно объяснил мне через Самми, что это – склады, в которых он сушит рыбу и кожи и хранит товары.

– Это очень интересно! – заметил я. – А мы сушим кожи на солнце...

Мы пересекли узкий канал и достигли плотины, где вышли на берег. Отсюда мы в сопровождении Хассана направились не в деревню, которая теперь видна была слева, но к довольно красивому, хотя и полуразрушенному дому, стоявшему ярдах в ста от берега. Что-то во внешнем виде этого дома внушало мне мысль, что он был построен не работорговцами. Его веранда и прилежавший к нему сад указывали на хороший вкус и цивилизованность строителей. Очевидно, здесь некогда жили культурные люди. Дальше я увидел развалины церкви среди апельсиновой рощи, окруженной пальмами. Что это была церковь, в этом не было никакого сомнения, так как тут же стоял небольшой навес, увенчанный каменным крестом. Под навесом висел колокол, некогда призывавший к молитве.

– Передай английскому лорду, – сказал Хассан Самми, – что это здания христианской миссии, покинутой более двадцати лет тому назад. Когда я пришел сюда, то нашел их пустыми.

– Вот как! – ответил я. – А как звали тех, кто здесь жил?

– Я не знаю этого, – сказал Хассан. – Они ушли задолго до моего прихода.

Мы вошли в дом и в продолжение последующего часа были заняты своим багажом, который был сложен в саду. Для охотников были разбиты две палатки, которые я приказал поставить перед окнами комнат, предназначенных для нас. Эти комнаты были замечательны в своем роде. Моя, очевидно, раньше служила гостиной, что я заключил по разбитой мебели, по-видимому, американского производства. Комната, занятая Стивеном, некогда служила спальней, так как в ней осталась железная кровать. Кроме того, тут был висячий книжный шкаф (теперь валявшийся на полу) и несколько растрепанных книг. Одна из них хорошо сохранилась, быть может потому, что белым муравьям и подобным им существам не понравился вкус ее сафьянового переплета. Эта книга называлась «Христианский год», сочинение Кебла. На ее заглавном листе было написано: «Дорогой Лизбет в день рождения от мужа». Я спрятал эту книгу в карман. На стене висел небольшой акварельный портрет очень красивой молодой женщины с голубыми глазами и белокурыми волосами. В углу портрета было написано тем же почерком: «Лизбет в возрасте 20 лет».

Этот портрет я тоже взял себе, думая, что со временем он может пригодиться как вещественное доказательство.

— Можно подумать, Квотермейн, что обитатели этого дома покинули его очень поспешно, — сказал Стивен.

— Это верно, дорогой мой. Но, быть может, они не покинули его. Быть может, они остались здесь...

— Убитыми?

Я кивнул головой и продолжал:

— Мне кажется, что наш приятель Хассан мог бы кое-что рассказать об этом. Надо пойти осмотреть церковь, пока не готов ужин и пока светло.

Мы прошли через пальмовую и апельсиновую рощи к тому месту, где стояла церковь. Она была построена из камня, похожего на коралловые скалы. Нам с первого взгляда стало ясно, что она опустошена огнем. Обесцвеченные стены красноречиво говорили об этом. Внутри здание поросло кустарником и ползучими растениями. Из каменного возвышения, где стоял алтарь, выскользнула желтая змейка. Церковь была окружена полуразрушенной стеной, но могил нигде не было видно. Однако недалеко от ворот была искусственная насыпь.

— Если разрыть эту насыпь, — сказал я, — то мы найдем кости тех, кто здесь жил. Не наводит ли вас это на какую-нибудь мысль?

— Только на то, что они были убиты, — ответил Стивен.

— Вам нужно научиться производить расследования. Это очень полезное искусство, особенно в Африке. Мне кажется, что если вы правы, то убийство совершено не туземцами, которые никогда не утруждают себя погребением мертвых. Это могли сделать арабы, особенно если среди них были португальцы, именующие себя христианами. Но, во всяком случае, все это было давно, — я указал на растущие на насыпи деревья, которым было не менее двадцати лет.

Мы вернулись в дом, где нас ждал обед. Хассан приглашал нас обедать к себе, но я, по понятной причине, предпочел, чтобы обед был приготовлен Самми, и предложил Хассану пообедать с нами. Он вскоре появился и рассыпался в любезностях, хотя в его глазах я ясно видел ненависть и подозрение. Мы принялись за жаркое из козленка, купленного у Хассана, так как я не хотел принимать подарков от этого человека. Питьем нам служил джин, смешанный с водою. Опасаясь, чтобы вода не была отравлена, я приказал Хансу набрать ее из источника, протекавшего недалеко от дома. Вначале Хассан, как подобало хорошему магометанину, отказывался от спиртного, потом уступил, и я налил ему хорошую порцию. Аппетит приходит во время еды, говорят французы. Эту поговорку можно было бы применить и к выпивке, по крайней мере, в данном случае по отношению к Хассану, который, по-

видимому, полагал, что количество выпитого алкоголя не увеличивает тяжести греха. После третьей порции джина он стал чрезвычайно любезным и болтливым. Находя момент удобным, я послал за Самми и через него сказал нашему хозяину, что нам нужно нанять двадцать носильщиков для нашего багажа. Он объявил, что носильщиков нельзя достать ближе чем за сотни миль, в ответ на что я подлил ему джину. В конце концов мне удалось сговориться с ним (не помню, за какую сумму), и он обещал найти для нас двадцать человек, которые останутся при нас столько времени, сколько нам понадобится. Потом я спросил его о разрушенной миссии, но ничего не мог добиться, несмотря на то что он был почти пьян. Он сказал только то, что двадцать лет тому назад очень свирепый народ, называемый «мазиту», совершил набег на побережье и перебил всех, кто здесь жил, за исключением белого человека и его жены, которые убежали в глубь страны. С тех пор о них ничего не слышно.

– А сколько человек похоронено около церкви? – быстро спросил я.

– Кто тебе сказал, что они там похоронены? – вздрогнув, ответил он, но, заметив свою ошибку, продолжал: – Я не понимаю, о чем ты говоришь. Я никогда не слышал, что там кто-нибудь похоронен. Спите спокойно, почтенные лорды. Я должен пойти присмотреть за погрузкой товаров на «Марию».

Он встал, поклонился по-восточному и вышел.

– Итак, «Мария» не ушла, – сказал я и свистнул особым образом. Тотчас же в комнату тихо вошел Ханс, так как свист был для него условным знаком.

– Ханс, я слышал подозрительные звуки на том острове, – сказал я. – Пробрерись к берегу и посмотри, что там происходит. Если ты будешь осторожен, тебя никто не увидит.

– О баас, – ответил он, оскалив зубы, – не думаю, что кто-нибудь увидит Ханса, если он будет осторожен, особенно ночью.

С этими словами он выскользнул из комнаты так же тихо, как и вошел. Я отправился к Мавово и приказал ему поставить караульных и присмотреть за тем, чтобы наши люди держали свои ружья наготове, так как я опасался, что работоторговцы могут ночью напасть на нас. В последнем случае я приказал занять веранду, но не стрелять до тех пор, пока я не скомандую.

– Хорошо, мой отец, – ответил Мавово. – Это очень счастливое путешествие. Я никогда не думал, что война может начаться так скоро. Моя змея забыла сказать об этом в тот вечер. Спи спокойно, Макумазан. Ни одно существо, которое ходит, не проберется к тебе, пока мы живы.

– Не будь так самонадеян, – сказал я.

Мы прилегли в спальне, не раздеваясь, и положили около себя свои ружья.

Прежде всего я припоминаю, что кто-то потряс меня за плечо. Я думал, что это Стивен, согласившийся бодрствовать первую половину ночи и обещавший разбудить меня ровно в час. Он действительно не спал, так как мне был виден огонь трубки, которую он курил.

– Баас, – прошептал голос Ханса, – я все разузнал. Они действительно перевозят в большой лодке невольников с острова на «Марию».

– Так, – сказал я. – Но как ты сюда пробрался? Разве наши охотники спят?

Он захихикал.

– Нет, они не спят. Они смотрят во все глаза и слушают во все уши. Однако старый Ханс незаметно пробрался мимо них. Даже баас Соммерс не заметил его.

– Это верно, – сказал Стивен. – Я думал, что это крыса. Я вышел на веранду и при свете костра, разведенного охотниками, увидел Мавово, сидевшего с ружьем на коленях, и позади него двух часовых. Я позвал его и указал на Ханса.

– Какие вы сторожа, – сказал я, – если Ханс сумел пробраться мимо вас ко мне в комнату, не будучи замеченным вами!

– О! – угрюмо воскликнул Мавово. – Я сказал, что ни одно живое существо, которое ходит, не проберется к тебе, Макумазан. Но эта желтая змея проползла мимо нас на брюхе. Посмотри на свежую грязь, которая покрывает его платье.

– Однако змеи могут жалить и убивать, – с усмешкой заметил Ханс. – Ох, вы, зулусы, считаете себя очень храбрыми! Вы кричите и размахиваете копьями и боевыми топорами. Но после этого одна бедная готтентотская собака стоит вас всех, вместе взятых. Нет, не пытайся ударить меня, воинственный Мавово. Мы оба, каждый по-своему, служим одному и тому же господину. Когда нужно будет сражаться, я предоставлю это тебе, но разведку предоставь Хансу. Взгляни, Мавово, – он показал роговую табакерку, какие зулусы иногда носят в ушах, – кому это принадлежит?

– Это моя табакерка, – сказал Мавово, – ты украл ее!

– Да, – насмешливо сказал Ханс, – я вытащил ее из твоего уха, когда в темноте пробирался мимо тебя. Помнишь, тебя укусил комар?

– Помню, – проворчал Мавово. – Ты, готтентотская змея, велик в своем низком пути. Но если в следующий раз меня что-нибудь укусит, то я отмахнусь от него не рукою, а копьем.

После этого я отпустил их обоих, заметив Стивену, что этот случай является хорошим примером борьбы между храбростью и хитростью. Теперь я был уверен, что Хассан и его друзья слишком заняты для того, чтобы напасть на нас в эту ночь. Мы легли спать и заснули сном праведников.

Проснувшись на следующее утро, я узнал, что Стивен Соммерс уже встал и куда-то ушел. Он не появлялся до середины завтрака.

– Где вы были? – спросил я его, заметив, что его платье изорвано и покрыто мокрым мхом.

– На верхушке самой высокой из тех пальм, Квотермейн. Я видел, как один араб взбирался на дерево с помощью веревки, и научился этому. Это совсем нетрудно, хотя и кажется опасным.

– Скажите же, что заставило вас... – начал я.

– Известная вам страсть, – прервал он меня. – Когда я смотрел в бинокль, мне показалось, что я вижу орхидею недалеко от верхушки дерева. Я взобрался на него. Оказалось, что это была не орхидея, а масса растительной пыли. Но зато я узнал кое-что другое. Сидя на верхушке пальмы, я увидел, что «Мария» старается выйти из-за защищенной от ветра стороны острова. Далеко в стороне виднелась струйка дыма. Посмотрев в бинокль, я увидел, что это военное судно, медленно идущее вдоль берега. Я убежден, что это английский корабль. Потом поднялся туман и скрыл все из виду.

– Честное слово, это – «Крокодил»! – воскликнул я. – То, что я говорил Хассану, было не совсем вздорным. Мистер Като, командир порта в Дурбане, говорил, что «Крокодил» на днях должен зайти к ним в порт за припасами, после чего он будет крейсировать вдоль побережья в поисках работоторговцев. Забавно будет, если он случайно встретит «Марию» и осмолит ее груз. Не правда ли?

– Они не встретятся, Квотермейн, если кто-нибудь из них не изменит курса. Я не прощу этому мерзавцу Дельгадо его попытки удрать с нашим багажом, не говоря уж о несчастных невольниках. Передайте мне кофе.

В продолжение последующих десяти минут мы ели молча, так как Стивен обладал превосходным аппетитом и, кроме того, проголодался после утренней гимнастики.

Лишь только мы окончили завтрак, как явился Хассан, имевший еще более гнусный вид, нежели накануне. Я заметил, что он был в скверном расположении духа, причиной чего была, вероятно, головная боль – результат вчерашней выпивки. Или, быть может, тот факт, что «Мария» благополучно ушла с невольниками, не будучи замеченной нами, был причи-

ной изменения его поведения. Третьим предположением могло быть то, что он намеревался убить нас в прошлую ночь, но не имел возможности выполнить свой план.

Мы вежливо поздоровались с ним, в ответ на что он грубо спросил через Самми, когда «христианские собаки, оскверняющие его дом» намерены уйти отсюда, так как дом нужен ему самому.

Я ответил, что мы уйдем не раньше чем явятся двадцать носильщиков, которых он нам обещал.

– Вы лжете, – сказал он. – Я никогда вам их не обещал. Здесь нет никаких носильщиков.

– Ты хочешь сказать, что в прошлую ночь отправил их на «Марию» вместе с невольниками? – быстро спросил я.

Видели ли вы, мой читатель, что делается с котом солидного возраста и угрюмого нрава, когда он внезапно встретит маленькую собачонку? Наблюдали ли вы, как он сгибается в дугу, как надувается, становясь почти в два раза больше по сравнению со своей нормальной величиной, как взъерошивается его шерсть, как сверкают его глаза, как из его рта вырывается целый поток странных звуков? Если вы видели все это, вы легко можете представить себе, какое действие произвело на Хассана мое последнее замечание. Он имел такой вид, будто готов был лопнуть от ярости. Его налитые кровью глаза, казалось, хотели выпрыгнуть из орбит. Всячески проклиная нас, он схватился рукою за позолоченную рукоятку своего огромного ножа и наконец сделал то, чего коты не делают, – плюнул.

Случилось, что Стивен, стоявший несколько ближе к Хассану, нежели я, и хладнокровно смотревший на него, сделался жертвой этой грубой выходки. Это словно разбудило его. Он сказал что-то выразительное и в следующую секунду бросился на Хассана, словно тигр, и ударил его прямо в нос. Хассан отшатнулся назад и выхватил нож, но новый удар Стивена свалил его на землю, заставив выронить нож, который я поспешно схватил.

Хассан поднял вверх руку в знак признания себя побежденным.

– Благородный английский лорд победил меня, – сказал он, задыхаясь.

– Проси прощения! – закричал Стивен.

Хассан поклонился, коснувшись лбом земли, и всячески извинялся.

– Что ты теперь скажешь насчет носильщиков? – весело спросил я.

– У меня нет никаких носильщиков, – ответил он.

– Ты мерзкий лгун! – воскликнул я. – Один из моих людей, бывший около вашей деревни, говорит, что она полна людей.

– Тогда пойди и набери их сам, – злобно ответил он, так как знал, что деревня окружена частоколом.

Я не знал, что предпринять. Конечно, работорговца следовало бы хорошенько проучить, но нам пришлось бы очень плохо, если бы он вздумал напасть на нас со своими арабами. Пристально глядя на меня, Хассан, по-видимому, угадал мои мысли.

– Меня избили, как собаку, – сказал он, и ярость снова охватила его, – но Аллах справедлив: он отомстит за меня в свое время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.